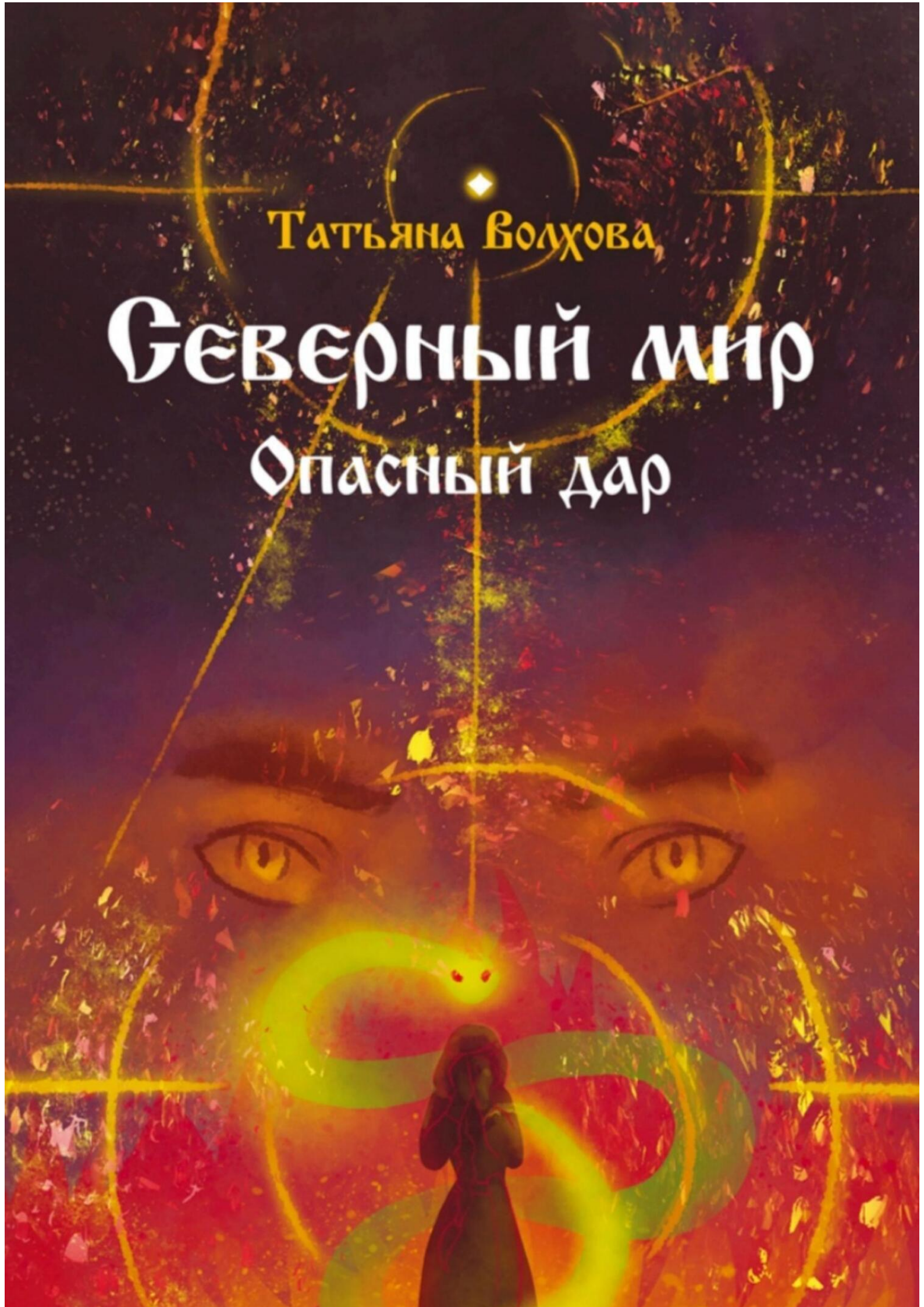

Татьяна Волхова
Северный мир
Опасный дар

Татьяна Волхова

Северный мир 5. Опасный дар

«Автор»
2023

Волхова Т.

Северный мир 5. Опасный дар / Т. Волхова — «Автор», 2023

Магический дар — не всегда благо для своего обладателя, иногда магические способности опасны. Свадебный огонь Вассы с Боремиром с самого начала пошёл не по плану, но вся серьёзность последствий стала понятна позже, когда чужеродный яд разлился по крови молодой женщины.В это же время юная княжна, Славемира, сладко спала в своей колыбели, не зная, что дар, переданный ей матерью, скоро станет опасным для её жизни из-за дурных замыслов людей, пришедших с далёкой стороны…

© Волхова Т., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 12
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Глава 7 24
Глава 8 28
Глава 9 33
Глава 10 36
Глава 11 41
Глава 12 44
Глава 13 48
Глава 14 51
Глава 15 54
Глава 16 58
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Татьяна Волхова
Северный мир 5. Опасный дар

Книга пятая

Глава 1

Светлая грусть

В то время как будущие волхвы готовились проходить испытания, впитывали мудрость передаваемых им знаний, погружались в холодные воды Светлого моря, грелись у костра и ощущали ветер каждой клеточкой кожи, чтобы почувствовать единение со стихиями, в селениях началась подготовка к свадебному месяцу.

Жители, собравшие в это солнце хороший урожай, радовались и праздновали осенний излом, после которого природа поворачивала к зимнему сну, а люди – к размышлениям.

Между семьями проходили последние сговоры. Молодцы, кто не успел найти себе пару за летний период, присматривались к непросватанным невестам. А те покрывались румянцем от пристальных взглядов юношей и ждали своё счастье. Все венки на воду были ими спущены, гадания на суженого сделаны, оставалось только непосредственно почуять суженого и пойти за ним.

Демид в эту пору приехал проведать нас. Привёз подарков и гостинцев, рассказал, что княжеский град почти восстановили после разрушений. Доброслав с Цветаной передали нам свои добрые пожелания. А княгиня обещала приехать в наше селение вместе с сыном, когда зажгутся свадебные костры.

– Она больше не может сдерживать желание Светозара увидеть Раду и решила устроить общий с ним выезд в селения, – сказал мне Ладо. – Они поедут большим обозом, везя подарки новым молодожёнам. А также проведают семьи, потерявшие кормильцев в последней битве. Так они скроют основную мысль своего визита – проведать наш дом и невесту княжича.

– Хорошо, мы будем ждать их, – улыбнулась я, прижимаясь к мужу.

С каждым днём я чувствовала себя лучше. Мир вновь расцветал красками и наполнялся приятными запахами. А главное – ко мне вернулся аппетит, и я начала немного набирать вес.

В эту беременность всё было иначе. Я больше прислушивалась к себе, чувствовала тоньше. Малышка подавала мне знаки, а я пыталась понять их.

Демид очень заботливо относился ко мне. В свой небольшой отпуск он старался дать мне как можно больше внимания и любви. Мы проводили вместе столько времени, сколько мне было необходимо.

Как-то я попросила Ладо сходить со мной в домик бабушки. Со времени её ухода прошло несколько Лун, и можно было разбирать вещи. Раньше я даже думать об этом не могла, но сейчас, с поддержкой Демида, была готова прикоснуться к памятному месту.

Уже давно мне не давала покоя одна мысль: я хотела сделать в избе бабушки место для сбора ворожей. Видя, что многие девочки в нашем селении проявляют способности к северной магии, я желала научить их раскрывать и применять врождённый дар. У их матерей не всегда была такая возможность и знания. Я сама, без помощи бабушки, не раскрыла бы и половины своих способностей.

Поэтому мне хотелось помочь девицам, направить их таланты и стремления ко благу. Я видела, что в последние солнца рождалось всё больше одарённых детей. И мальчиков, что станут волхвами, и девочек, что будут заниматься магией домашнего очага.

Для этого я думала освободить бабушкин домик от лишних вещей, поставить по центру большой стол и скамьи. А сами стены и поляна, на которой мы провели столько обрядов, будут помогать мне в передаче знаний. Ведь каждый уголочек дома колдуньи пропитан каким-то учением. Вдоль печи висят мешочки с травами, в красном углу устроено домашнее капище, в сундуке лежат веретёна и пряжа, в углу – прялка, рядом с ней – кадка с воском для изготовления свечей.

Осматривая всё это, я вспомнила, как бабушка учила меня делать свечи с добавлением сухих трав. Какой аромат шёл от них при изготовлении и горении! Я будто наяву увидела её сморщенные руки, катающие свечку, и тонкие губы, наговаривавшие на неё важные слова согласно конкретной задаче.

Я закрыла глаза и погрузилась в свои воспоминания, меня окутала светлая грусть. Демид с тревогой наблюдал за мной. Он беспокоился, как я отреагирую, непосредственно соприкоснувшись с домом бабушки. Но слёзы больше не душили меня. Я отгоревала потерю и сейчас была готова жить дальше с любовью и благодарностью ко всему, что бабушка дала мне и чему научила.

Выйдя на крыльцо, я как наяву увидела молодого Демида, пришедшего ко мне свататься. Вспомнила, как он подарил мне амулет своей матери, который потом помог нам в борьбе со старейшинами, когда мы с Ладо ещё не обрели в полной мере свои собственные силы.

Подвеску я продолжала по привычке носить на груди, но связь с ней была всё слабее. Сейчас я непроизвольно нащупала камушек на своей груди.

– Мне кажется, этот талисман пора подарить Радамиле, – сказала я, обращаясь к мужу, – наша дочь только начинает свой путь, ещё не слишком уверена в себе. Она пока пробует силы и учится обращаться с ними. Княжеский амулет будет защитой и поддержкой Раде. Тем более что дочка скоро станет женой Светозара. Пусть все видят, что в её жилах тоже течёт кровь правителей.

– Хорошо, давай так и сделаем, – согласился Демид, – мы можем преподнести ей амулет во время приезда княжича.

– А куда мы поселим Цветану с Светозаром? – спросила я. – Их дом занят семьёй Белозара, будет неправильно просить их съехать на время визита.

– Я думаю, что мы можем предложить княжичам дом Боремира, – помолчав, сказал Ладо, – мой брат ещё не успел переехать туда с женой, и случится это только после свадебного огня. А княгиня приедет чуть раньше. Значит, дом будет ещё пустовать. Думаю, княжеской семье и их сопровождающим будет там удобно. Отдельная часть дома, построенная для Всеволода, подойдёт для размещения их охранников, а основная часть – для княгини, её сына и прислужниц.

– Мне нравится твоя мысль, – согласилась я, – принять княжескую чету в своём доме – это большая честь. Думаю, Боремир с Вассой не будут против.

– Я спрошу у брата, – проговорил Демид, – и надо будет заранее принести туда еду и домашнюю утварь.

– В последнюю поездку наши невестки привезли столько всего, что половина ещё не распакована и не использована. Я скажу оставить эти приборы нетронутыми до приезда Цветаны.

Муж улыбнулся и обнял меня. Меж нами вновь были мир и согласие, а редкие встречи только обостряли чувства. При этом я также чувствовала, что соскучилась по Цветане и с нетерпением жду её приезда. Много солнц мы жили рядом, стали почти сёстрами, а теперь судьба и обязанности развели нас. Мне не хватало мягкой, плавной речи княгини и её вдумчивого взгляда.

– Пойдём обратно, – сказала я мужу, – дом бабушки дал мне необходимые силы. Я буду чаще ходить сюда.

Демид взял меня за руку, и мы пошли к нашему дому. Вокруг пели птицы, а в моей душе была радость. Жизнь продолжалась.

Глава 2

Замысел южного князя

А в далёком южном крае его правитель Горин пребывал в смятении. Уже несколько Лун прошло с тех пор, как он вернулся из Северных земель, потеряв там своего старшего сына. И хотя наследников у него хватало, перворождённый мальчик всегда был важной частью их семьи.

Всех остальных детей растили в убеждении, что только первый сын князя достоин стать правителем, чтобы не допустить распрей между детьми в будущем.

Давно уже в их княжестве не было проблемы с передачей власти. Даже если погибал признанный наследник, он успевал оставить после себя сыновей, так как молодцев женили очень рано. И часто действующий правитель успевал увидеть даже взрослого внука.

А сейчас по княжескому двору ходили разговоры о том, что нарушена давняя традиция: старший сын ушёл в царство Мары, не успев завести детей. Проблема была ещё и в том, что следующий по старшинству сын был рождён второй женой князя, и лишь третий мальчик вновь был от первой, главной жены.

Горин видел, как за его спиной разрастается борьба за назначение наследника. Имея влиятельных родственников, его вторая жена, на которой его женили только ради примирения с её семьёй, плела интриги в поддержку своего сына. Правитель мог бы легко избавиться от неё, если бы не её родня, обеспечивавшая ему половину численности дружины.

Отказаться от их поддержки князь не мог, но и не смел лишать права власти сына от первой жены, третьего по старшинству. Она была княжной из рода правителей соседней стороны, и брак с ней положил конец долгой междоусобице. Отца княжны устроило то, что его внук будет править сопредельным краем, а значит, завоёвывать его нет нужды. И изменить этот уговор – значило ввязаться в очередное противостояние.

Все эти думы не давали Горину спокойно жить и спать, а в своих бедах он винил Радамилу.

«Эта девица спутала мне все планы, – размышлял он. – Околдовала Тихобора, сначала согласилась бежать с ним, а когда поняла, чем ей это грозит, переменила решение».

То, что всё было иначе, и его сын увёз девицу против её воли, князь предпочитал не вспоминать. Часто думая над своим, выдуманным вариантом событий, он поверил в то, что именно так и было.

«И теперь она – официальная невеста северного княжича, а на моих землях – разлад и метания, – продолжал он свои мысли. – Я должен исправить это, доказать всем, кто есть кто. Это не вернёт сына, но поможет решить проблемы с наследником. Я возьму Радамилу в жёны и получу огненосных наследников».

Эти мысль не давала ему покоя с того самого момента, как он узнал, что дочери из рода Перуна тоже владеют силой огня и могут передать дар своим детям. Иметь такого сына – давняя мечта правителей южных краёв. Да и Северные князья не отказались бы от подобного наследника, но у тех хотя бы состояли на службе воины Перуна. А в тёплых землях не было таких дружинников. Как ни пытались переманить их в тёплые края, ничего не получилось.

«Сын, имеющий огненный пояс, возвысил бы меня над всеми сопредельными князьями, – думал Горин. – Да и сам он в будущем имел бы большой вес среди правителей. Нельзя упустить такой шанс».

Он велел позвать советников, чтобы узнать, как выполняется его распоряжение по отправке в Северные земли купцов, чтобы они нашли и привезли ему Радамилу. Её огненные браслеты не давали ему покоя. Его всё больше увлекала идея получить сына от этой девицы и положить конец внутренним распрям, решив вопрос с наследником.

«Кто пойдёт против отрока, владеющего огнём? Никто, – думал он, обводя взглядом вошедших советников, – народ поддержит его, как сильного правителя. Родственники второй жены согласятся на назначение его преемником, если предложить в будущем женить его на одной из их дочерей. В ответ они поддержат меня в воинском походе, если сопредельный князь, отец моей первой жены, будет недоволен. Но ему можно предложить в качестве невесты мою будущую дочь, которая принесёт огонь в его род. От такого князь не откажется».

Горин довольно потирал руки, погружённый в свои мысли. Он уже распланировал жизнь своих, ещё не рождённых детей от Рады, на солнца вперёд.

«Никто из нас не ведал, что дочери воинов Перуна тоже обладают этой силой. И я буду первым из южан, кто обретёт жену, носящую в себе северный огонь», – радовался он.

В это время советники молчали, переминаясь с ноги на ногу.

– Как успехи в поисках северной девы, владеющей огнём? – спросил наконец князь.

– Мы не можем её найти, – ответил один из пришедших.

– Почему? Где быть деве до свадьбы, как не в доме своих родителей?

– О её семье известно мало, – был ответ, – в Северных землях позаботились о том, чтобы эта информация была сокрыта. Известно лишь, что дом их в дальнем от города селении, но где именно – узнать не удалось.

– Значит, вы плохо ищете! – крикнул негодующий Горин.

– Князь, – ответил советник, – люди на Севере суровы и неразговорчивы, даже нашим купцам не удаётся развязать им язык. Когда торговцы начинают спрашивать северян об их соплеменниках, те сразу становятся подозрительными и не желают говорить. Сейчас нам известно лишь то, что отец огненной девы – приближённый князя, а её дед – в прошлом воин Перуна, а ныне волхв. Они защищают свою дочь, да и мать у неё, судя по всему, не простая. В таких семьях случайных жён нет. Вряд ли мы сможем найти и украсть её.

– Ты ни на что не годен! – негодующе крикнул правитель, видя, что весь его грандиозный план вновь рушится из-за какой-то девицы.

– У меня есть одно предположение, князь, – продолжил советник, привыкший к его вспышкам гнева и не обративший на него внимания. – Если Радамила обладает огнём, то и другие дочери из родов Перуна могут владеть этим даром.

Горин с удивлением поднял на него глаза.

– Редки дочери в семьях Перуна, – покачал головой другой из присутствующих, – даже в Северных землях забыли былины об огненных девах. Редкая женщина способна подарить такому воину дочку. Одни сыновья рождаются в их семьях.

– Ищите! – вновь приказал Горин. – Воины огня сейчас в чести в Северном крае, они больше не скрываются. Смотрите на их семьи, выискивайте дочерей.

– Хорошо, князь, – был ответ, – мы обратим свои взоры на дома этих воинов и найдём их дочерей, если они есть.

Услышанное обрадовало Горина, в нём он видел единственный выход из сложившейся ситуации.

Люди Горина разбрелись по Северным землям. Они выспрашивали местных жителей о семьях Перуна под предлогом того, что хотят выразить своё восхищение и посмотреть на этих могучих воинов. На нужные дворы им указывали неохотно, а сами носители огня вообще не разговаривали.

Но ищейки успевали заметить, что ни девиц, ни девочек в их домах не было. Постепенно они собрали всё услышанное о родáх Перуна воедино и передали своему правителю, что рождение девочки – это редкое событие. Поэтому огненные браслеты Рады и вызвали такой восторг и море обсуждений.

– Не каждая женщина способна вынести огонь, – доносили посланники Горину, – и не встретили мы ни одной дочери в семьях, что объехали.

– Ищите, – велел им южный князь, – чую я, что есть такие девицы, и одна из них должна быть моей.

Его люди продолжили поиски. И в одном селении набрели на старуху, что за камни разноцветные рассказала им, где можно искать носительницу огня.

– Жила в моём селении, – начала она рассказ, спрятав принесённые купцом камешки, – семья воинов Перуна. Славный был род. Я тогда ещё молода была, всё на одного из их сыновей смотрела, да не люба ему оказалась. Предпочёл он другую. Прошёл с ней свадебный огонь, костёр тогда не шибко горел, предвещая сложную судьбу молодым, но они были так влюблены, что не заметили этого. А через год родилась у них дочь. Вот это праздник был. Давно в нашем селении в таких семьях девочек не было, радовались все. Дед новорождённой угощение для всех селян устроил. Да только мать девочки так от родов и не оправилась. Слышали вы, наверное, что редко такие девочки появляются, а ещё реже с родными матерями растут: не выносят те бремени, уходят к Маре. Так и эта малышка сиротой осталась. Безутешный отец не знал, как жить без лю́бой жены.

Купец внимательно слушал старуху.

– Хорошо, что у его брата тоже жена родила, взяла она девочку себе, выкормила, подрастила. А за это время и отец от горя оправился. Как ни лю́ба была ему первая жена, а вдовцом всю жизнь не проживёшь. Взял он другую в жёны. И уехали они жить в соседнее селение. Дочка его, Лебедяна, вторую жену матерью называла, может, и не знала, что не родная она ей. Сначала они часто приезжали в гости к своим, что здесь жить остались. А потом перестали. То ли размолвка меж родственниками вышла, то ли ещё что-то. Но прекратили общаться братья, а отец их рано ушёл за границу миров. Так и выросла девица, считая, что кроме родителей у неё никого нет. Красавицей стала: тонкий стан, длинная коса. Да отец не спешил её замуж выдавать. А поскольку приданого богатого не было, то и женихи толпами не строились. Ведь никто в том селении не знал, что она из рода Перуна. Отец её специально об этом молчал, думал, верно, посвящение дочери провести, как у них по обряду положено, а потом знатного жениха ей сыскать. Об этом и местная ведунья ему говорила, что будет у Лебедяны богатый муж.

– Давай скорее, старуха, – нетерпеливо проговорил купец, – где сейчас эта девица? Замуж вышла?

– Ты меня не перебивай, – спокойно возразила та, – я цену своим знаниям ведаю, рассказываю, как сердце велит. Я в соседнее селение часто ездила, посматривала на дом, где эта девица жила. Отец с мачехой внезапно покинули Явь, и осталась она одна. Замуж выйти не успела, а как девице одной: ни землю вспахать, ни печь починить. И пошла она жить к Акилине, та за бабий век всему научилась. А от мужа с сыном ей крепкое хозяйство осталось. Бабка та была старая, неприятная, прижимистая. Были это те времена, когда старый князь битву проиграл; она с поля боя воина себе в дом притащила, вы́ходила его и своим сыном назвала. Молодец-то память потерял, ничего не помнил.

– Почему же соседи ему глаза не открыли? – удивился купец.

– А у нас люди не лезут в чужие дела, – ответила старуха, – если живётся молодцу с ней, матерью называет, то кому какая разница. Может, он тоже родителей потерял, а Акилине сына родного напоминает. Но вот когда старуха к ним в дом Лебедяну позвала, пошли разговоры по селению, что молодые без свадебного огня вместе живут.

Собеседник покачал головой. Не одобрял он таких нравов.

– Женился на ней воин, чтобы девицу не позорить. Родились у них мальчики – один за другим, так в семьях Перуна обычно и бывает. Пятерых за десять солнц принесла и только краше становилась.

– Где она сейчас? – теряя терпение, спросил южанин. – Есть ли дочери?

– Лебедяна недавно в царство Мары ушла, – ответила старуха.

Купец вскочил и сжал кулаки, считая, что зря потерял время.

– Какой нетерпеливый, – покачала головой хозяйка, видя это, – самое интересное дослушать не можешь.

Мужчина вновь опустился на скамью, ожидая окончания рассказа.

– Сначала к Маре отправилась Акилина. И начались у них в доме странности. Я часто в соседнее селение ездила, всё видела, всё подмечала. Ведь Лебедяна – дочка единственного мужчины, который был мне люб. Я сама хотела ей мать заменить, да не свезло мне… – старушка вздохнула, помолчала, задумавшись о своём.

Купец сверлил её взглядом. Заметив это, она продолжила:

– Заболел тогда муж Лебедяны, слёг и долго встать не мог. В бреду был, никого не узнавал. А как поправился – сразу куда-то уехал и долго не возвращался. Тяжело пришлось Лебедяне. Осталась она одна с детьми, мал мала меньше, да ещё на сносях. Всю зиму не находила себе места. Почти надежду потеряла. Запасы, что муж оставил, все съели, а чем участок на новое солнце засевать, какими силами – непонятно.

На этих словах гость оживился. И весь превратился в слух.

– А весной вернулся её муж, да не один, а с дружинниками и прислужниками, – на лице купца появилось удивление, – тем выжившим на поле брани воином оказался сам наследный княжич наших земель. Обещали ведь ей знатного супруга, так и вышло.

Воцарилось молчание. Южанин пытался осознать услышанное, а старуха наслаждалась впечатлением, которое произвела на него своим рассказом.

– Забрал он Лебедяну в княжеский терем, и уже там разрешилась она от бремени, – закончила хозяйка. – Девочку родила, только сама не выжила.

Купец погрузился в думы. Получалось, что на Северных землях уже две огненные девицы растут, но ни к одной из них не подобраться. Невесту наследника надёжно спрятали, а маленькая княжна тем паче защищена: растят её в тереме, за высокими заборами, под защитой дружинников.

– А ещё об огненных девах что-то знаешь? – уточнил он.

Старуха покачала головой.

– Мало их в нашей стороне, – ответила она, – что знала – рассказала. А теперь иди и больше не приходи.

Купец ехал в родные края задумчивым. С одной стороны, он узнал об огненной деве, с другой – не представлял, как её заполучить. Да и не нужен был его князю младенец, а взрослой дочери огня он так и не нашёл. Но мысль о том, что можно забрать малышку в Южные земли и вырастить её в своей вере и убеждениях, казалась ему очень заманчивой.

Глава 3

Княжеская семья

А юная княжна тем временем спала себе в княжеском тереме под присмотром прислужниц и кормилицы. Княгиня часто навещала её: баюкала на руках, доченькой называла, прижимала к сердцу и шептала нежные слова. Для Цветаны эта девочка была самой любимой.

Сыновей Лебедяны княгиня тоже привечала. Старалась дать им тепло и ласку. Но названая дочь была ей ближе. Грустила женщина, что скоро предстоит им разлука.

– Поедем мы со Светозаром, братом твоим самым старшим, – рассказывала она девочке, – далеко-далеко по Северным землям. Так и раньше княгини делали. Людям своим на глаза показывались, подарки привозили, потребы выслушивали да хозяйским глазом оценивали, что неладно в селениях: как живут простые люди, чем недовольны, и чего их душа требует. Сейчас мы решили возобновить традицию. И под её прикрытием проведать невесту княжича.

Говоря это, улыбалась Цветана, она хотела навестить тот дом, где нашла укрытие в лихие времена.

Княгиня передала малышку кормилице и направилась в свои покои, где её уже ждал муж.

Воссоединившись после долгой разлуки, они заново узнавали друг друга. Привыкали к изменениям, которые произошли с ними за это время. Доброслав уже не был тем молодым, неопытным князем, который верил, что мир на его землях вечен, ведь его оберегают воины Перуна.

Его убеждения разбились о злую волю тёмного колдуна, и молодец прошёл через забвение и потерю не только власти, но и себя самого – живя как простой селянин и многие солнца не помня своего родства.

А Цветана, проживая жизнь, к которой её не готовили, в простом доме, в изгнании, не ведая ничего о своих родных, за время разлуки обрела женскую мудрость и знания. Она научилась ценить то, что дают семья и княжеский титул.

Простив Доброславу его повторную женитьбу, она приняла его как своего мужа. В сердце княгини сейчас не было того ослепительного чувства, что когда-то пылало в ней к Белозару. Отношение к мужу было другим – спокойным, согревающим теплом. А то, прежнее, давно погасло, оставив лишь воспоминания.

Увидев жену, князь улыбнулся. Он подошёл к ней и нежно обнял. Среди важных дел Доброслав всегда помнил, что у него есть жена, и старался уделить ей время.

– Как Славемира? – спросил он, зная, что Цветана перед сном всегда навещает маленькую княжну.

Каждый раз, произнося это имя, князь вспоминал о своей матери, в честь которой назвали девочку.

– Растёт с каждым днём, – улыбнулась княгиня, отвечая на объятья мужа. – Такая славная, вся в своё имя. И на твою матушку похожа. Только кажется мне – есть в ней какая-то тайна. Она такими глазами на меня смотрит… Даже не знаю, как описать. Я такие у Рады в детстве видела.

– Надо будет у Ведмурда спросить, что за душа к нам пришла. Он точно знает ответ, – сказал Доброслав, – только вернётся нескоро.

Цветана кивнула.

– На будущей Луне мы со Светозаром отправимся в путь, – проговорила она, уже думая о грядущем, – а ты детей не забывай. Мальчикам нужно твоё присутствие рядом. Они ещё помнят, как ты рубил дрова с ними, как вы со старшим в поле работали. Кажется, это мелочи,

а я вижу, что им не хватает их. Не только наставническое слово им нужно, но и твой интерес к ним. И простые дела вместе.

– Я каждый день думаю о сыновьях, – ответил князь, – спрашиваю, как их успехи в ратном деле.

– А ты приди к ним на занятие, сам мечом пользоваться поучи. Про деда и прадеда поведай, карту наших земель покажи. Расскажи, где друзья, а где враги засели. Но не пугай, а преданиями рассказывай. Я больше всего такие разговоры из детства помню.

– Я постараюсь выбрать для этого время, – задумчиво пообещал Доброслав. – Когда вы выдвигаетесь с Светозаром? И сколько будете отсутствовать? Мне надо выделить вам дружинников.

– Уже через несколько дней выезжаем, – ответила Цветана, – прислужницы сейчас собирают обозы с дарами и провизией.

– Пусть будет так, – кивнул князь, – вы только не задерживайтесь. Навестишь Радамилу, и возвращайтесь. По дороге в несколько селений заедете – и хватит. За порядком на наших землях теперь Демид со своими людьми следит. Вам должно быть безопасно в дороге.

Княгиня вздохнула, вспоминая свой первый путь из города в дом Млады. Какой юной и напуганной она была, сколько испытаний было впереди. Как беспокоилась она за своего ребёнка, который бился внутри, чувствуя утраты матери. А теперь они поедут вместе со взрослым сыном по этой дороге в качестве полноправных правителей Северного края.

– Может, зря мы свадебный огонь детей откладываем? – вдруг спросила она. – Тревожно мне что-то. Как они друг без друга ещё солнце вынесут? Ведь с детства не разлучались. Да и в тереме у нас безопасней.

– Твоё беспокойство напрасно, – ответил Доброслав, обнимая жену. – Рада у себя дома, там её никто в обиду не даст. А свадьбу можно и раньше намеченного сыграть. Княжеские обряды ведь в любое время проводятся. Но в это солнце и так много событий. А как начнёт новое своим теплом согревать, так и свадебный огонь для них зажжём.

– Ты прав, – согласилась Цветана, – в начале следующего лета можно провести обряд. Тогда к весне у нас появится внук или внучка.

Князь рассмеялся.

– У нас и так детей в тереме полно, – проговорил он, – а ты ещё хочешь?

– Конечно, ведь этот ребёнок будет носителем древнего дара – силы огня. Ещё никогда таких правителей не было во главе Северных земель. Скажи, как так получилось, что ни один род воинов Перуна не захватил власть? Ведь они – самые умелые воины и могли бы легко победить князя.

– Неинтересна им власть, – ответил Доброслав, – походы да сражения влекут их. Поэтому князьями Северных земель становились те, кто хотел править.

Цветана кивнула. Прожив столько солнц рядом с воинами огня, она ни разу не заметила в них стремления к власти.

На этом вечерняя беседа супругов закончилась, и они заключили друг друга в объятья.

А спустя несколько дней, когда ободок Луны был тонок и лишь начинал расти на небе, княгиня с сыном в сопровождении дружинников тронулись в путь.

Светозар горел желанием увидеть свою суженую, а Цветана – пообщаться со своей названой сестрой и порадоваться за неё в ожидании малыша.

Глава 4

Заговор

Чем ближе был свадебный огонь, тем тревожней становилась Васса. Она видела, что её золовка постоянно отлучается со двора, чего раньше никогда не было. И однажды она заметила ту рядом с домом бывшего старейшины, который управлял селением вместе с матерью Бартана во времена князя-завоевателя.

И если бывшая свекровь Вассы не пережила низвержения тьмы, то её соратники чувствовали себя неплохо. Хотя они были отстранены от власти и находились под бдительным оком новых старейшин, одобренных Демидом, но жили в своих домах, растили детей, собирали урожай и гуляли на праздниках наравне со всеми. То, что было у них на сердце, затаили ли они обиду или были благодарны, что им сохранили жизнь, никто не знал.

Васса была уверена, что они что-то затевают. Во время осеннего солнечного излома можно было многое изменить в укладе жизни селения. Даже вернуть себе утраченную власть. Ведь Демид далеко, Млада – тяжела, а в таком положении ведуньи не тратят силы на внешнее и не ворожат. Колдунья ушла за границу миров и не сможет остановить их. Рада же ещё юна и наверняка неопытна. Белозар с Боремиром хоть и сильны, но они – воины и магическими силами не обладают. Если случится морок или другое воздействие, то снять его они не смогут.

Васса пыталась убедить себя, что излишне переживает, что никто не посмеет идти против воли старейшин, поставленных истинным князем. Однако тревога росла в душе.

Она даже ходила к Младе, чтобы поделиться своими сомнениями, но той не было дома: она ушла в домик колдуньи, а идти туда Васса побоялась. Женщина опасалась мест, где сосредоточены тайные силы. Она помнила тёмное колдовство Тимиры и собственной свекрови, тяжесть от них, и таким же ей представлялся дом бабушки Млады.

«Будь что будет, – решила она, – может, я слишком мнительна и просто боюсь потерять своё счастье? Я так долго ждала встречи с суженым, а потом даже не надеялась на то, что у нас всё сложится с Боремиром. Вот и боюсь вновь остаться одной, теперь уже навсегда».

Гуляния шли уже несколько дней. Молодые подносили друг другу подарки, ходили в гости, готовили совместное подношение Богам на свадебном обряде. Всё происходило согласно давним традициям, и Васса с Боремиром тоже участвовали в них.

Когда женщина узнала, что в её будущем доме на несколько дней остановится княгиня с сыном, она не поверила такому благословению. Принять у себя княжескую семью было настолько почётно и значимо, что Васса и не представляла, что им с Боремиром выпадет подобная честь.

Пока родственники жениха просили никому об этом не говорить, но когда гости прибудут, то всё селение станет завидовать ей. Ведь даже не Млада, а она будет принимать у себя Цветану. Васса не поняла, почему семья Боремира решила именно так, но чувствовала себя избранной.

Её будущий муж спокойно отнёсся к тому, что в его доме будет гостить княжеская семья. Он ведь жил рядом с Цветаной много солнц и относился к ней, как к сводной сестре. Поэтому их со Светозаром приезд не волновал его. Он знал, что в новом доме много места и в нём найдётся отдельная комната для него с Вассой, даже когда все гости будут в сборе, а остальной дом он был готов отдать в распоряжение будущих родственников. В отличие от своей невесты, он знал о сватовстве Светозара и Рады и догадывался, что княжеская семья едет не столько осмотреть свои земли, сколько проведать будущую жену и невестку. Боремир видел возбуждение Вассы и в душе умилялся её восторженности по поводу предстоящих событий.

Платье Васса шила сама из того отреза, что привёз ей жених с ярмарки. Каждую строчку она прокладывала с любовью, закладывая себе прочную семейную жизнь. Обережную

вышивку она делала, тоже заговаривая каждый стежок, вплетая в рисунок счастье, верность и долгую жизнь.

Рукоделие она прятала подальше от любопытных и завистливых глаз золовки, но в один из дней, вернувшись со двора и взявшись за шитьё, заметила, что иголка вколота не так, как она обычно делает, да и само платье как будто перекладывали.

Полностью развернув изделие, она с ужасом заметила, что от подола оторвана небольшая часть. Вне себя от негодования, Васса выскочила в общую комнату, где Милиса, жена Бартана, разжигала печь для приготовления трапезы.

– Как ты могла это сделать? – спросила невеста, сдерживая гнев и одновременно слёзы, которые подступали к горлу.

– Ты о чём? – пряча довольную улыбку, проговорила та.

Васса показала ей испорченный подол платья.

– Я всегда говорила, что ты не умеешь шить, – как ни в чём не бывало пожала плечами золовка.

– Это ты испортила моё платье? – то ли спросила, то ли пригрозила Васса.

– Было бы что портить, – ухмыльнулась собеседница.

Невеста посмотрела на неё злым взглядом, вложив в него все свои злость и негодование, и в сердцах пожелала, чтобы золовке было так же горько и обидно.

Вернувшись в свою комнату, она стала думать, как скрыть прореху. Решила прорезать ещё выше и вшить большой клин, сделав его длиннее основной юбки.

– Как будто такая задумка: с одной стороны платье будет в сборку и длиннее, – решила Васса. – Я этот клин ещё вышивкой украшу, и будет платье не такое, как у всех.

В этот момент она услышала шум в общем помещении и крик золовки. Нехотя отложив шитьё, женщина пошла к ней.

Жена Бартана лежала на полу, её нога застряла в провалившейся под ней половой доске. Васса подала руку, чтобы помочь подняться, но Милиса вскрикнула и не смогла этого сделать. Потом она с трудом всё же встала и, опираясь на плечо своей помощницы, дохромала до скамьи. Подол её платья, зацепившись за торчащие острые щепки сломанной доски, порвался.

– Больно? – спросила Васса.

– А ты как думаешь? – прозвучал грубый ответ.

Васса пожала плечами и развернулась, собираясь уйти.

– Дай мне что-то холодное из погреба! – крикнула ей вслед золовка.

Та принесла запрошенное. Предлагать ещё помощь не стала, считая, что родственница получила то, что заслужила.

Уйдя в свою комнату, Васса слышала, что золовка с оханьем передвигается по соседнему помещению.

Вечером с работ на поле вернулся брат Бартана. Он застал жену в слезах.

– Эта ведьма наслала на меня проклятье, – плача, рассказывала она, – я пошла в сени, и подо мной сломалась доска.

– А при чём здесь Васса? – удивился муж, недовольный тем, что ужин не готов, а жена сидит с распухшей ногой.

– Незадолго до этого она кричала на меня из-за своего платья, которое сама криво сшила, а меня в этом обвинила.

– Ты испортила моё платье, – сказала Васса, выходя, – хотела навредить мне, а навредила себе. – Она кивнула на распухшую ногу. – Кто тебя лечить будет? Бабушки Млады больше нет, сама Млада сейчас не врачует.

– Без твоего ведьмовского семейства справимся, – поджав губы, ответила золовка.

Васса пожала плечами и пошла в свой угол, как никогда мечтая поскорее уйти из этого ненавистного дома.

– Ничего, недолго ей осталось, – услышала она шёпот позади себя.

Эти слова заставили женщину вздрогнуть. Обернувшись, она увидела, что брат Бартана наклонился к Милисе и гладил её по голове, с ненавистью глядя вслед невестке.

Васса ещё долго не могла успокоиться, сидя в своём углу. Она вздрагивала от шума в общем помещении, криков и топота детей, и только когда с работ вернулся сын и тихо сел рядом с ней, женщина выдохнула и обняла его. Всеволод заметил, что мать расстроена, и та рассказала ему о произошедшем днём.

– Я не позволю никому обидеть тебя, – твёрдо сказал он, – а колдовства ты не бойся, оно бессильно, когда столько света на нашей земле.

Васса кивнула, она и сама надеялась на это, но чувство тревоги осталось.

Глава 5

Коварные планы

А бывшие старейшины тем временем готовились взять реванш за все обиды и лишения, которым подвергались ещё с тех пор, как много солнц назад в испытании огнём Ведмурд одолел Тимиру, и управлять селением были выбраны другие люди.

И пусть в период князя-завоевателя власть частично вернулась к ним, но она не была полной. Хоть лучшие земли формально и принадлежали им, зерно с них забирали, как самое вызревшее и способное к длительному хранению. А сейчас земли и вовсе поделили между всеми, и бывшие правители лишились своих привилегий.

Все прошедшие солнца они таили в себе недовольство. Но проявлять его не спешили. Ждали удобного момента, понимая, что им нечего противопоставить своим противникам, кроме магии. А о каком колдовстве могла идти речь, когда так сильны Родослава и Млада? Ведунья многие солнца следила за тем, чтобы тьма, которую несла в себе Тимира, больше не появилась на их земле. Да и Млада расцвела – вошла в силу своей женской зрелости и ведовства. Против них двух, имеющих за своей спиной воинов огня, никто не смел подняться.

Зато теперь, несмотря на низвержение тьмы на всей Северной земле, бывшие старейшины видели возможность установления своей власти в подотчётном селении. Колдунья ушла за границу миров, Млада была тяжела и, по слухам, плохо себя чувствовала. Волхвы в их селении ещё не появились, Ведмурд был далеко, а его оставшиеся здесь сыновья только восстанавливались после ран и были неспособны применять магию.

Это давало заговорщикам надежду, что они смогут провернуть свой план. В свадебный месяц обычно проводят общий сбор, обсуждают прошедшее лето, оценивают собранный урожай и выбирают старейшин. Кто-то уходит на покой, кем-то недовольны селяне, вот и происходит смена правителей. В нарушение этой традиции Демид вернулся в своё селение после свержения тёмного мага и отлучил от управления давних врагов своей семьи, которые были поместниками.

– Но сейчас он далеко, – рассуждали заговорщики, – и сможет ли приехать на свадьбу брата – неизвестно. Значит, и на традиционном сборе будет отсутствовать. И мы сможем в момент выбора навести морок на людей и направить их волю в нужное нам русло. Оспорить решение общего сбора не под силу даже посланнику князя. Люди Севера всегда сохраняли за собой право сами выбирать себе старейшин. Демид и поставил новых лишь на время до сбора на осенний излом солнца, думая, что селяне, благодарные им за справедливость, сами выберут их дальше. Но так может и не случиться…

На очередной встрече, которую устраивали жёны бывших старейшин под прикрытием соседских посиделок, они обсуждали свои планы.

– Я знаю, какой морок использовала Тимира, когда вела селян на суд над колдуньей, – сказала жена одного из свергнутых старейшин, – она подлила им в напиток отвар из особых трав, а потом заговорила воду. Я смогу сделать так же. Пусть я не настолько сильна, но травы сделают своё дело.

– А что будет, когда морок спадёт, и все удивятся своему выбору? – спросила у неё подельница.

– Ты ведь знаешь наших людей: они меж собой обсудят и успокоятся, пойдут дальше работать, – махнула рукой первая из женщин, – а мы своё себе вернём. Демид не посмеет пойти против решения всех селян. Мы же начнём свои порядки возвращать, пока ни ему, ни Младе нет до этого дела. Может, они вообще в город к князю уедут. Не просто же гостили так долго. И мы останемся хозяевами этой земли, как и было до их приезда в наши края. Принесла же нелёгкая Ведмурда с сыновьями в наше селение!

– А как же остальные братья? – не унималась собеседница.

– Младшие хоть огнём и обладают, но магией не владеют, – ответила другая, – они только воевать и умеют, а Белозар с Боремиром, говорят, вообще лишились огня из-за своих ран. А значит, к магии и подавно не способны.

– Мы должны наказать мою невестку, – подала голос Милиса, которая с помощью мужа приковыляла на тайную встречу, куда раньше ходила одна; женщины сделали ей повязку на ногу, наложили какое-то зелье и велели находиться в покое. – Вы обещали мне, что вашей силы хватит и на неё. Васса предала память Бартана и хочет стать счастливой! Не бывать этому! Ведь тогда Всеволод уйдёт с ней, а он должен остаться в нашем доме и помогать в благодарность за то, что мы его вырастили.

Старшие женщины переглянулись. Изначально они терпели присутствие Милисы, потому что встречи организовывала её свекровь. Мать Бартана никак не могла смириться с тем, что так и не расправилась со своими врагами – семьёй Млады, которую винила в смерти своих мужа и сына.

Не находя выхода для своей ненависти, она стала устраивать встречи с жёнами других бывших старейшин, находя в общении с ними выход своим эмоциям. Тайком они занимались тёмной магией, но по мелочи, чтобы не быть пойманными. В окружении тьмы, наполнявшей в те времена Северные земли, их деяния не были видны.

Кроме того, они не имели возможности изменить ситуацию и находились под гнётом князя-завоевателя. Их беседы были своеобразной отдушиной и не несли угрозы, поэтому Родослава, зная об этих встречах, не мешала им. В сложные времена каждому нужно выговориться. Но она постоянно следила, чтобы заговорщицы не заходили дальше сплетен и перемывания косточек.

А когда тьма пала, колдунья была уже слаба и не обращала на них большого внимания. Тем более что мать Бартана, не выдержав света, ушла за границу миров.

Но оставшиеся женщины продолжили свои встречи. Теперь они надеялись осуществить свои мечты. А вот месть Вассе не входила в их планы.

– Зачем тебе это? Пусть невестка уходит из твоего дома, – сказала одна из старших женщин, – будет жить у реки, ты её никогда и не увидишь.

– Не хочу, чтобы она была счастлива! – крикнула Милиса, растирая больную ногу. – У неё будет новый дом, муж, а мне кто помогать будет?

Её собеседницы покачали головой. Такие разборки их уже не интересовали. Но в память о матери Бартана, которая очень привечала свою вторую невестку, спросили:

– А что ты от нас хочешь?

– Тимира обладала даром и могла наказать своих обидчиков, – был ответ, – я знаю, что вы пытались перенять её умения.

– У нас ничего не получилось, – махнула рукой одна из женщин, – с этим даром родиться надо.

– А я попробую, – сказала Милиса, – что мне надо сделать?

– Сходи в дом Тимиры, – предложила одна из присутствующих, – только там можно соприкоснуться с её силой, если она ещё существует в Яви. Много солнц назад твоя свекровь пыталась это сделать, но вернулась из заброшенного дома очень напуганной. Она никогда не рассказывала, что там видела. Во всяком случае, новых способностей не получила.

В глазах молодой женщины появился огонь. Она решила для себя, что попытается обрести то, что не было дано ей при рождении – особый дар, в отсутствие которого она чувствовала себя неполноценной, глядя на других женщин. Те легко ворожили, у неё же ничего не получалось.

На следующий день, забыв о том, что ей нельзя нагружать ногу, Милиса, прихрамывая, пошла к дому Тимиры. Это был один из немногих домов, что не заняли переселенцы во времена гонений от завоевателей после проигранной битвы при отце Доброслава.

Несколько семей пыталось в нём жить, но не смогли. О том, почему предпочитали пожить в землянке, пока построят свой дом, только бы не оставаться в заброшенном доме, молчали. Говорили лишь, что Навь там слишком близко, так что тяжело даже не жить, а просто дышать.

О том, что её свекровь когда-то ходила в дом Тимиры, Милиса не знала, та никогда не рассказывала об этом. Но молодая женщина лелеяла надежду, что найдёт в доме старейшины нечто важное, что поможет ей в осуществлении плана.

Ей было мало того, как муж обещал отомстить Вассе. Он сказал, что на свадебном огне не даст невестке разрешения уйти в другую семью и сорвёт прохождение ею ритуала. Ведь по их обычаям семья супруга должна была отпустить его вдову в новую семью. А иначе не поднимется пламя, и не примут Боги её новый путь.

– Мы заберём у неё надежду в самый волнительный момент, – говорил брат Бартана, желая успокоить жену. – Васса такого не перенесёт, слишком много для неё значит этот потерявший силу воин.

Но Милиса хотела подстраховаться. А то вдруг пламя свадебного костра и без их благословения разгорится. Поэтому шла к заброшенному дому Тимиры, опасливо оглядываясь, чтобы никто её не увидел.

Разрушенное строение с покосившейся крышей уже виднелось вдали. Оно стояло в отдалении от остальных домов. За прошедшие солнца вокруг него образовалась полоса, где никто не жил. Дома, стоящие рядом, были покинуты, их хозяева переселились в другие места.

– Слишком змей много у нас появилось, – жаловались они, – нигде в селении больше нет, и только рядом с этим домом, – они кивали на бывший дом старейшины, – развелись гадюки.

Селяне ещё помнили, как во время своего последнего испытания Тимира наслала на жителей полчища змей, и погибли они, только когда она сама превратилась в пепел. Несколько солнц после этого змей в селении не было. Но потом, под покровом наступившей тьмы, управляемой Великим Магом, они вновь появились.

Когда мать Бартана ходила в дом Тимиры, желая найти там какие-то предметы для колдовства, она увидела змеиное гнездо. Головы гадюк смотрели на неё прямо из-под провалившихся досок пола. И будто ждали её следующего шага, чтобы вцепиться в щиколотку.

Непрошеная гостья тогда медленно вышла, а чешуйчатые хозяйки не стали её преследовать. Но женщина поняла, что не просто так в доме её подруги появилось это гнездо. Придёт время, и гадюки проявят себя. Она уже не дождалась этого, а вот её невестка решила испытать судьбу.

На свою беду, она совсем забыла о жалобах соседей на змей.

Глава 6

Змеиное логово

Милиса наконец доковыляла до сорванной калитки. Забор вокруг построек Тимиры давно упал, а двор зарос травой и мелкими деревьями.

Молодая женщина с опаской ступала по высокой траве, пытаясь унять стук сердца.

– Я только осмотрюсь, – говорила она себе, – может, прялку её найду. Бабки говорили, что силу ведьмы можно перенять, если уколоть палец её веретеном. Ведь пока та прядёт, сколько раз уколется, а значит, кровь свою на веретене оставит. И если им уколоться, то можно силу её взять, если сама ведьма не против. А ведь Тимира ушла в царство Мары, не успев передать своей внучке дар. Девочка та не намного младше меня была. Так, может, и мне что перепадёт. Знаю, что Тимира хотела бы отомстить своим обидчикам, а я ей в этом помогу.

С этими мыслями Милиса аккуратно зашла в дом. Сгнившие ступени крыльца гулко скрипнули под её ногами, но устояли.

Внутри было сыро и зябко, несмотря на тёплую, сухую осень на дворе. Всё вокруг было покрыто пылью. На полу лежало несколько расколотых горшков, лавка около стола была перевёрнута, большинство вещей – затянуты паутиной. А в центре комнаты виднелась чёрная дыра в полу с торчащими по её краям острыми досками.

Милиса поморщилась от воспоминания, как вчера разодрала ногу о такие острые щепки. В этот момент нога предательски заныла и стала очень тяжёлой.

Из дыры же донеслись шипение и шорох. Будто кто-то передвигался по земле. И тут женщина вспомнила, как селяне говорили, что в заброшенном доме Тимиры поселились змеи.

Не успела она об этом подумать, как из дыры показались их головки с высунутыми языками. Следом вылезли чешуйчатые тела, они извивались.

Змеи медленно выползали одна за другой, а страх так сковал Милису, что она не могла сделать ни шагу. Гадюки замерли в нескольких метрах от неё. Казалось, они внимательно изучают гостью.

«Она первая не укусит, – вспомнила женщина слова отца, сказанные давным-давно, когда они с ним встретили змею около речки, – ты только стой спокойно, не беги и не поворачивайся к ней спиной. Змея сама уползёт, а если побежишь, то можешь наступить на её сородича, они редко по одному ползают».

В это время змея с самой большой головкой подползла к ней ближе. Милиса почти перестала дышать от страха. Время будто остановилось.

Перед глазами женщины вдруг появился образ старухи, смутно напоминающей Тимиру. Она стояла перед ней и внимательно вглядывалась в глаза. Будто искала в них что-то. Волосы на голове Милисы зашевелились от ужаса. Краем глаза она заметила в углу прялку с веретеном: вокруг него обвилась ещё одна змея. Вдруг веретено слетело со своего места и с шумом упало на пол.

Все змеи быстро развернулись и поползли в сторону дыры в полу, кроме той, что была ближе всех к Милисе. Образ старухи перед глазами стал таять, и в голове молодой женщины прозвучала фраза:

– Дальняя, но родня…

Тихий шёпот был похож на шуршание от передвижения змеи.

Милиса вспомнила, что её бабушка была дальней родственницей кому-то из рода Тимиры. После женщина запомнила лишь сверкнувшие глаза то ли змеи, то ли старухи – и острую боль в раздувшейся щиколотке. От неё она упала и потеряла сознание.

Очнувшись спустя какое-то время, Милиса не сразу поняла, где она находится. Лёжа на холодном полу, она по крупицам собирала воспоминания о том, что с ней произошло. Рядом никого не было.

Взглянув в угол, где стояла прялка, женщина заметила, что та на самом деле опрокинута на пол, значит, всё произошедшее ей не приснилось.

Милиса попыталась встать, но нога сильно болела. Взглянув на неё, женщина вскрикнула: та ещё больше раздулась, а под повязкой вся щиколотка была чёрного цвета. Милиса знала, что так выглядит укус гадюки, после которого не выживают.

«Надо отсосать яд», – подумала она.

– Уже поздно, – послышалось шипение.

Откуда оно шло, было непонятно. Женщина огляделась, пытаясь увидеть того, кто с ней говорит, но в доме было пусто.

– Я теперь часть тебя, – прошептал внутри неё посторонний голос. – Ты хотела обрести дар – так и случилось.

– Кто ты? – со страхом спросила Милиса, думая, что она сходит с ума и всё это ей кажется.

– А кого ты звала? – прошелестел в ответ голос, и перед глазами молодой женщины показалось сморщенное лицо с глазами змеи.

Видение вдруг исчезло, а Милиса вновь попыталась подняться. Наступить на ногу она не могла. Отталкиваясь руками, поползла к выходу. Ноги безвольно волочились вслед за ней, как отломанный хвост.

С крыльца женщина почти свалилась. Потом с трудом преодолела заросший травой двор.

Оказавшись на дороге, она привлекла к себе внимание местных мальчишек, идущих куда-то. Они подбежали к ней. Один кинулся звать взрослых, другой – подставил плечо, чтобы помочь подняться. Но мальчик был худ и невысок, и Милиса не смогла на него опереться.

Вскоре за ней приехал на повозке кто-то из селянских мужиков и отвёз домой. Пришедшие женщины, осмотрев повреждённую ногу, покачали головами и сказали, что ничего сделать нельзя.

– Яд уже разошёлся по телу, – пояснила одна.

– Что ты делала на заброшенном участке? – спросила другая.

– За малиной ходила, там за домом разрослись кусты, – ответила Милиса, придумывая на ходу.

– Ягоды уже все опали, – удивилась другая, – да и кто ходит за ними в логово змей?

– Забыла я про змей, – расстроенно сказала пострадавшая.

Соседки переглянулись и разошлись. Они знали, что после таких укусов выжить смогли лишь несколько человек, но слава о них потом плохая ходила. Жалеть Милису никто не стал, так как её не любили в селении, как и её свекровь.

Только Васса с сожалением смотрела на свою невестку. Её мучило чувство вины за дурные мысли в её сторону. Она не хотела такого конца своей неприятельнице.

«Если сгинет Милиса, дети одни останутся, – думала молодая женщина, – кому они без матери нужны? Отец по новой женится, а с мачехой расти не сахар».

Вернувшийся вечером супруг Милисы вместо сочувствия высказал претензии, что она развалилась на кровати, а ужина нет.

– Васса всё приготовила, – ответила жена и обиженно продолжила: – У меня сил нет, нога – как бочка, уйду скоро к Маре, а ты всё на меня кричишь!

– Если ещё жива, то и завтра проснёшься, – ответил мужчина, – мне так старухи сказали. У тебя, видимо, противоядие в крови, такое бывает.

Милиса слушала его слова с надеждой. Она и сама думала, что раз ей не становится хуже, то, может, она и поправится вскоре. А ещё она не могла забыть глаза змеи, смотрящие на неё, и пригрезившиеся слова: «Родня моя».

– Если Тимира – моя дальняя родственница, то у меня, скорее всего, защита от укусов змеи, их семью яд не брал, – бормотала она себе под нос.

Так и случилось: через несколько дней чернота и отёк ноги начали спадать, женщина смогла передвигаться по дому, опираясь на костыль.

Пока она болела, детьми и хозяйством занималась Васса, которая стала чувствовать какую-то новую опасность, исходящую от невестки. Она не могла объяснить, в чём она заключается, но дышать дома становилось всё труднее. До свадебного дня оставалась половина Луны. Невеста мечтала, чтобы время шло быстрее, а оно тянулось очень медленно.

Боремир всё больше пропадал в их новом доме, готовя помещение и запасы для встречи знатных гостей. Но даже приезд княжеской семьи уже не радовал Вассу. Ей было тревожно.

А вот Милиса, оправившись, захотела проверить, на что способна. Как только она смогла нормально передвигаться, решила вновь сходить в заброшенный дом. Уж очень её прялка влекла. Даже по ночам снилась, вместе со змеёй, что вокруг обвивалась.

Выбрав время, когда её никто не увидит, она снова направилась в жилище Тимиры. В этот раз идти было не страшно. Наоборот, ноги сами несли её, будто в родной дом. Пройдя по уже примятой траве двора, женщина зашла внутрь.

Зияющая в полу дыра была пуста. А пришедшей так хотелось увидеть змей и проверить, сможет ли она управлять ими. Она их больше не боялась.

– Пережила один укус, значит, переживу и другой, – размышляла она, – да и не будут они меня кусать, я теперь своя.

Это сладкое слово «своя» растекалось по её жилам. В семье мужа она всегда чувствовала себя чужой, хотя свекровь привечала её, в отличие от первой невестки.

Аккуратно подойдя к прялке, которая по-прежнему лежала на полу, Милиса наклонилась и подняла её. Неподалёку нашла укатившееся веретено. Покрутила в руках. Дерево было сырым и плохо вращалось, но оторваться от него женщина не могла. Оно так и липло к её рукам, заставляя смотреть и раскручивать по оси.

Услышав за спиной шорох, Милиса обернулась. Сзади была змея, та самая, что укусила её. Женщина на мгновение обмерла, но страх быстро прошёл. Она не почувствовала угрозы.

– Возьми прялку и веретено к себе в дом, – прошелестел в её голове старческий голос, – спряди из шерсти верёвочку да Вассе на запястье повяжи. Скажи, на счастье.

– Не возьмёт она, – покачала головой Милиса.

– Возьмёт, побоится обидеть, – был ответ, – обычай у нас есть: отпуская невестку из дома, свекровь даёт ей с собой подарок, благословляя на создание новой семьи. Вашей свекрови нет в этом мире, и ты остаёшься за старшую, когда Васса покинет дом, а значит, тебе и подарок ей вручать. Прямо на свадебном обряде и повяжешь. На глазах у всех она браслет не скинет, а потом поздно будет.

Гостья кивнула в ответ, взяла прялку и пошла прочь. На крыльце увидела двух змей, греющихся на солнышке. Они быстро шмыгнули в щель между досками, не мешая ей пройти.

Милиса улыбнулась, приятно было чувствовать себя избранной: даже змеи признают её силу. А скоро она всем покажет, чего стоит.

«Тимиру все боялись – и меня уважать будут», – думала она, идя домой.

Соседки видели, что она тащила откуда-то старую прялку, и очень удивились этому.

– Не к добру, – сказали они меж собой, – с прялкой и судьбу чужую перенять можно.

Но Милисе было всё равно. Она поставила изделие в уголок и начала прясть верёвочку, как и велела Тимира.

Васса же, увидев невестку за работой, пошатнулась от нахлынувшей слабости. Ей чудилось, что не веретено крутится, а шипит кто-то в руках Милисы.

«Только бы до новой Луны дожить, а там уйду отсюда и никогда не вернусь в это змеиное логово», – думала женщина, почему-то назвав так дом, в котором прожила столько солнц.

Глава 7

Свадебный обряд

Дни становились короче, солнце с каждым днём всё ниже останавливалось над горизонтом, а в селениях тем временем закончились приготовления к проведению свадебных ритуалов.

Счастливые невесты втихомолку любовались своими нарядами, собственноручно сшитыми и украшенными, женихи заканчивали изготовление подношений Богам, свекрови готовились принять в свой дом выбранную девицу, а дети предвкушали гуляния и угощения. Но все, как один, радовались, что ещё одно солнце подарило урожай, который был богатым, и его должно было хватить на безбедную зиму. И что жизнь продолжается, родятся новые семьи и дети. После потерь и лишений последних солнц это было самым важным для всех.

У Вассы всё было готово к свадьбе. Платье она дошила, вставив вместо оторванного куска подола большой клин, который тянулся за ней при ходьбе.

– Хоть бы сухой, погожий день, – мечтала она, любуясь, как подол платья скользит за ней по полу, – тогда моя задумка будет выглядеть красиво и необычно.

Свои вещи она уже почти все собрала и перенесла в новый дом, как и вещи сына. В доме свекрови оставила лишь самое необходимое на несколько дней.

Приезда княжеской семьи ждали со дня на день, но никто не знал, успеют они к свадебным торжествам или поучаствуют в обрядах в другом селении, что ближе к городу по дороге, а к ним приедут уже на гуляния.

С Милисой Васса почти не общалась. После посещения дома Тимиры та стала странной. Нога у неё подозрительно быстро зажила, а принесённая из чужого дома прялка была теперь её любимой вещью. Женщина сидела за ней, даже когда надо было заниматься домашними делами.

Хозяин дома, возвращаясь с работ, прикрикивал на супругу, не находя на печи горячего ужина и видя необихоженную скотину. Но Милиса в ответ на упрёки лишь отмахивалась, говоря, что у неё есть дело поважнее.

А когда мужчина надумал поучить её, то так посмотрела на него, что его сковал паралич. Брат Бартана не мог пошевелиться некоторое время, только стоял, пытаясь что-то сказать, но даже язык его не слушался. Васса была свидетельницей этого и очень испугалась.

– Что смотришь? – спросила, повернувшись к ней, Милиса. – Иди, куда шла, или тоже постоять неподвижно хочешь?

Она посмотрела на невестку пронизывающим взглядом, от которого по спине Вассы пробежал холодок. Но она сохранила способность говорить и двигаться. Её соперница удивилась этому и была разочарована тем, что её намерение не подействовало.

«Интересно, почему на *эту* мои чары не действуют?» – подумала новоиспечённая ведьма.

Васса же быстро ушла. Она чувствовала, что ещё немного – и онемеет, как брат её почившего мужа.

Когда тот отошёл от своего состояния, то стал иначе смотреть на жену и немного побаиваться. Он помнил, что его мать занималась колдовством и многое умела, но такое делать у неё не получалось.

Милиса же, почувствовав силу, радовалась и считала себя выше остальных. С особым презрением она смотрела на Вассу, которая не обладала даром. И всё думала, как бы насолить счастливой невесте. Платье та теперь прятала так, что не найдёшь. Еду готовила сама, не подсыплешь ничего. А парализующий взгляд, к сожалению, не подействовал.

Но Милиса надеялась, что верёвочка, которую Тимира велела ей изготовить на старой прялке, поможет навести чары. Что именно должно произойти, женщина не знала, но верила старой змее.

И не замечала, что сама начинает шипеть. Родные дочери стали её бояться; старшая, чувствуя неладное, сторонилась матушки и младших уводила.

Наконец настал свадебный день, запылали сухие дрова, наполнились столы яствами, надели невесты свои платья, а женихи запрягли упряжки, чтобы ехать за суженными.

Боремир приехал за Вассой вместе со своими младшими братьями и их жёнами, сопровождал их и Белозар. Велислава осталась дома с детьми, обещая прийти на само действо. Млада тоже решила присоединиться к родным позже, уже на свадебной поляне. Без Демида ей не очень хотелось идти на праздник.

Прибывшие вошли в дом, где их ждал хозяин. Тот недобро посмотрел на Боремира, помня их ссору на прошлой Луне. Но не посмел нарушить ритуал, заведённый Богами.

– Из нашего дома в ваш дом уходит невеста, – проговорил он обычную для таких случаев фразу, – пусть её новая жизнь будет счастливой.

В ответ Боремир протянул ему положенный по традиции подарок.

Милиса стояла рядом с мужем, и ей не терпелось повязать Вассе на руку верёвочку, которая жгла ладонь. Но вспомнив, что Тимира сказала сделать это непосредственно на свадебном обряде, она сдержалась.

Повторный брак вдовы имел свои особенности. Девица после выкупа считалась уже почти перешедшей в род мужа, ведь свадебный огонь редко отвергал такие союзы. А вот вдова оставалась связанной со своей первой семьёй до того момента, как пламя не подтвердит, что Боги одобряют её переход в новую семью. А ещё до этого старшая женщина из оставляемого дома должна была провести обряд передачи жены из одного рода в другой.

И в этот момент могло случиться разное. Или первая семья заупрямится и не даст своего благословения, или пламя свадебного костра устремится к земле, как когда-то произошло с Цветаной и Белозаром. И тогда пара не сможет создать семью, как не получившая благословения.

Именно такой мести хотела Милиса для Вассы. Чтобы прилюдно был разомкнут их сговор с женихом, и вынуждена была её невестка вернуться в дом свекрови. А там уж она ей покажет. Ведь никто больше отверженную замуж не позовёт, как не звал многие солнца вдовства. А значит, будет страдать и чахнуть несостоявшаяся жена.

Теша себя этими мыслями, Милиса улыбалась. А Васса не обращала на неё никакого внимания. Она видела лишь будущего мужа, под покровительство которого должна была перейти уже этим вечером. Ядовитые взгляды невестки перестали её волновать, как только крепкая рука Боремира сжала её руку, а во влюблённых глазах появилось восхищение.

– Ты очень красива! – прошептал воин.

Васса улыбнулась своему суженому. Она решила: что бы ни случилось, ни за что не вернётся она в этот ненавистный ей дом, в котором прожила долгих шестнадцать солнц.

Женщина чувствовала себя очень счастливой. Сердце её было наполнено нежностью и восхищением своим возлюбленным. Это было не первое, ослепительное чувство, как в первое замужество, а зрелое, глубокое понимание родства душ, прошедших испытания и нашедших радость успокоения рядом друг с другом. Даже тревога последних дней отступила. Невеста была уверена, что семья бывшего мужа уже не сможет причинить ей вреда. Ведь впереди свадебный огонь, которым управляют Боги.

Боремир помог Вассе забраться в повозку, и они поехали на большую поляну, где уже горели малые костры.

Погода стояла сухая и солнечная, поздние цветы радовали собой. А со всех краёв селения к центру сбора стекались невесты со своими женихами. Каждая хотела покрасоваться собственноручно сшитым платьем и увидеть восхищение в глазах соседей и, конечно, жениха.

Васса тоже вышла из повозки, предвкушая праздник и удивлённые взгляды. Подол платья красиво струился за ней при ходьбе, вызывая обсуждения собравшихся женщин. А она

чувствовала себя вновь полной жизни и надежд, крепко держась за руку выбранного мужчины, который уверенно вёл её к свадебному костру.

Милиса, тоже прибывшая на праздник, с недовольством отметила, что вред, который она пыталась причинить платью Вассы, пошёл ему только на пользу. Такого одеяния не было ни у одной невесты.

Начался праздник. Девицы, что выходили в невесты следующим летом, водили хороводы и пели песни. Потом размыкали руки и кружились вокруг своей оси – обязательно посолонь, так как своим танцем открывали двери грядущему: звали счастливую жизнь для молодожёнов. Холостые мóлодцы хлопали им в такт, любуясь танцующими и присматривая среди них себе спутницу.

Потом в центр поляны вышли старейшины, принесли дары Богам, сказали напутственное слово молодым и дали сигнал разжигать большой, свадебный костёр.

Пары взялись за руки, определили последовательность прохождения обряда и приготовились трижды обходить пламя. Невесты взволнованно кусали губы и цеплялись за своих суженых. А те, скрывая волнение, выпрямились и смело смотрели вперёд.

Первые молодожёны вышли к огню, произнесли свадебные обещания друг другу и пошли кругом. Если все три раза, что они обходили костёр, пламя горело ровно, то пара получала благословение Богов. И старейшины, которые проводили обряд в отсутствие волхвов, повязывали молодым на соединённые руки вышитый рушник. После чего те направлялись к накрытым столам, праздновать создание новой семьи.

Васса с Боремиром ждали своей очереди. Поскольку невеста должна была получать благословение от первой семьи, то их обряд оставили напоследок.

Когда все пары прошли вокруг огня, воин подвёл к старейшинам свою невесту. К ним же вышли и Милиса с мужем. Ритуал перехода из одной семьи в другую давно не проводился в селении, и присутствующие с интересом ждали его.

– Много солнц назад на этой же поляне ты стала женой Бартана, – начал его брат, – а после его гибели – жила в нашем доме, была частью семьи, пользовалась всеми благами, которые я добывал для своей матери, жены и детей. Твой сын рос наравне с моими дочерьми и не был ничем обделён.

По рядам присутствующих пронёсся шёпот, эта речь не походила на те, что было принято говорить в напутствие вдове, вновь выходящей замуж. Муж Милисы отступил от традиции и молвил то, что соответствовало его собственным интересам.

– К чему ты всё это говоришь? – поинтересовался старейшина. – Васса тоже сложа руки не сидела. Твоя мать никогда бы ей такого не позволила. А заботиться о сыне почившего брата – это обязанность оставшихся в Яви.

– Я не отказываюсь от этого, – ответил мужчина, – но хочу, чтобы мои заботы были оценены по достоинству и не прошли даром. Много солнц я был единственным мужчиной в семье, кормил всех домочадцев. Всеволод вырос, стал сильным и умелым, и я хочу, чтобы он остался в моём доме. Все предыдущие солнца я заботился о нём, как отец, а теперь пришло время ему позаботиться обо мне, как сыну. А также о своих сёстрах, что ещё малы.

Толпа зашумела: кто-то поддерживал его слова; кто-то говорил, что тот не вовремя завёл разговор, к свадебному обряду это не относится; третьи утверждали, что не только брату Бартана тяжело с одними дочерьми в хозяйстве, так что это вопрос не к Всеволоду.

Васса кусала губы, а Боремир смотрел на выступающего с такой злостью, что, казалось, обладай воин огнём Перуна, он бы сжёг того дотла.

– Это можно решить позже, когда закончится обряд, – сказал старейшина.

– Нет, – покачал головой брат Бартана, – если Всеволод не останется в моём доме, то я не дам разрешения на брак Вассы.

На этих словах Боремир разжал руку, в которой лежала ладонь его невесты, и подошёл вплотную к говорившему. Женщина пыталась его остановить, но не смогла.

– Ты слишком много на себя берёшь, – сказал воин, гневно смотря на брата Бартана, – не тебе решать, можно ли Вассе повторно выйти замуж. Для этого есть Боги. Они и определят, быть ли Вассе счастливой или продолжать терпеть ваши с женой придирки и укоры. А её сын должен жить с матерью, и Всеволод перейдёт в мой дом.

В этот момент к Боремиру подошли его братья и встали за его спиной, показывая, что не допустят попрания их интересов. Присутствующие замерли, поняв, что дело обретает новый поворот.

– Без моего разрешения Васса не может покинуть нашу семью, – чуть испуганно, но всё ещё петушась, проговорил брат Бартана, обращаясь к Боремиру, – даже если ты не согласен, то что ты мне сделаешь? Ссора во время свадебного обряда – это крайнее неуважение к Богам, за которое последует наказание.

– Ссору сейчас провоцируешь ты, – сказал старейшина. – Я понимаю, что ты хочешь сохранить в своём доме ещё одни рабочие руки. Сильный мóлодец как нельзя лучше подходит для этого. Но ты не вправе решать за него и также не можешь запретить Вассе покинуть вашу семью.

– А как же обычай? – спросил мужчина. – Или вы забыли о нём?

– Обычай создан для того, чтобы передать женщину из одних заботливых рук в другие. Сначала она уходит из родительского дома, где родилась и выросла, и, выдавая её замуж, отец с матерью благословляют дочь и передают мужу, чтобы он заботился о ней. И девица становится частью уже другой семьи, которая несёт за неё ответственность. Если её муж безвременно уходит в царство Мары, то жена может ещё раз выйти замуж и перейти под покровительство другого мужчины и его семьи. И свёкры должны благословить её на новый путь, а не требовать оставить сына в качестве работника.

Брат Бартана молчал под неодобрительные взгляды селян.

– Вместо тебя я благословлю Вассу,– продолжал старейшина, – твой отец – мой дальний родственник, и я могу соединить руки твоей бывшей невестки и её будущего супруга, пожелать им счастья и долгих солнц рядом друг с другом.

С этими словами пожилой мужчина взял руки молодожёнов и соединил их.

Глава 8

Дар

– Подождите! – крикнула Милиса, ждавшая своего часа. – Как старшая женщина дома, оставляемого невестой, я должна пожелать ей крепкой семьи и взаимных чувств.

Все обернулись к говорившей. Многие селяне неодобрительно покачали головами, ожидая нового промедления и подвоха.

Старейшина тоже недобро глянул на Милису.

– У меня подарок для Вассы, – как можно невиннее проговорила та, – как и полагается по нашей традиции – уходящей в новый дом вдове от старшей женщины дома, который она покидает.

С этими словами она достала сотканную на прялке Тимиры верёвочку и продемонстрировала её всем, чтобы доказать, что действует согласно заведённому обряду.

– Этот браслет я сделала для благословения невесты! – продолжала она. – Пусть он хранит мою невестку в новой семье и приносит счастье.

Последние слова были сказаны таким тоном, что всем стало ясно: никакого счастья в послании нет, и зачем Милиса всё это затеяла, непонятно. Но пока придраться было не к чему, и старейшина, посмотрев на протянутый подарок, кивнул.

Васса, подошедшая за это время к Боремиру, нехотя протянула руку своей невестке. Милиса взяла её и крепко завязала верёвочку на запястье. Невеста закусила губу, так сильно ей перетянули кисть. Но возражать не стала. Она хотела поскорее обойти свадебный костёр, который уже начинал догорать, а разводить новый или подбрасывать дрова уже во время проведения ритуала было нельзя. Кострище изначально складывалось очень большим, и если какая-то пара не успела пройти обряд, это считалось знаком, что им рано связывать свою жизнь друг с другом.

Поэтому Васса лишь закусила губу и повернулась вместе с Боремиром к костру. Пришло время их взаимных обещаний.

Верёвочка тем временем начала жечь запястье невесты.

– Уходя из одного дома, обрети радость в новом, – напутственно сказал невесте старейшина, потом обратился к Боремиру: – Ты был хорошим воином, так будь и заботливым мужем.

Молодые кивнули наставнику и встали друг напротив друга. Их взгляды встретились, а руки соединились во взаимном пожатии. И на мгновение окружающие перестали существовать для этих двоих, что так долго пребывали в одиночестве: наконец их сердца встретились. Даже жар от верёвочки на время стал меньше. Васса улыбнулась. Она верила, что рядом со своим суженым сможет всё преодолеть.

– Солнца, прожитые до нашей встречи, были пусты для меня, – сказал ей Боремир, – я скитался по Северным землям, не понимая, кому я служу и зачем. Искал и не находил смысла для себя и тех, кто меня окружал. Много раз хотел вернуться, но чувствовал, что это ничего не изменит. Я всё так же буду один среди близких людей. – Он перевёл дух. – Однако когда я прибыл в селение и почувствовал твоё сердце, бьющееся рядом со мной на берегу ручья, я услышал в его биении отголоски своего ритма. И понял, что вместе мы сможем исцелить наши души и быть счастливыми. Благодарю тебя, что согласилась стать моей женой, я буду беречь тебя и заботиться о наших детях.

Глаза Вассы наполнились влагой. Это были слёзы радости.

– Многие солнца я была одна среди своих родных, – начала она, вторя словам Боремира, – сын был единственной отрадой для меня, но сердце, как женщины, – молчало. Грусть и одиночество были моими верными спутниками, и я даже не мечтала, что станет иначе. Встреча с тобой подарила мне надежду, душа затрепетала, и в ней поселилась радость: от наших кратких

встреч, от редких взглядов. Благодарю, что выбрал меня, я хочу стать матерью твоих детей и создавать уют в нашем доме рядом с тобой.

Боремир кивнул, сердце его трепетало и радовалось. Лишь тень беспокойства в глазах невесты смущала воина. Спросить об этом сейчас было не к месту, а сама Васса молчала, сдерживаясь, чтобы не закричать от разъедающего её кожу яда. Она боялась, что если они с Боремиром сейчас остановятся, то уже не закончат обряд, и она ещё на одно солнце останется в ненавистном ей доме первого мужа. Васса столько снесла от своих родственников, что готова была потерпеть боль ещё немного времени, которое требовалось, чтобы обойти три круга около костра.

Молодые начали движение, огонь пылал и приветствовал их союз. Наблюдавшие за ними селяне улыбались. И лишь Милиса с беспокойством следила за происходящим. Она была уверена, что как только наденет браслет на руку Вассы, той сразу станет плохо. Однако её невестка как ни в чём не бывало шла уже второй круг. Хотя на её лице не было счастливой улыбки, а читалось скорее напряжение, но это не успокаивало злопыхательницу.

На третьем круге невеста стала спотыкаться. Боль в руке была такой нестерпимой, что от неё перехватывало дыхание и подкашивались ноги. Окружающие смотрели на неровную походку невесты и качали головами. Дорожка вокруг костра была абсолютно ровной, трава примята, и спотыкание могло говорить только об одном: не пускают её Боги в новую жизнь. Ладно бы Васса споткнулась один раз, с кем не бывает от волнения, но было видно, что ноги невесты еле идут, и она вот-вот упадёт. Взять её на руки или поддержать за плечи жених не мог. Каждый из брачующихся должен был самостоятельно проделать свой путь.

Боремир чувствовал, что с его суженой что-то происходит. Но разговаривать во время обряда было запрещено, это считалось неуважением к Богам. Рука Вассы, лежащая в его ладони, то сжималась, то становилась совсем слабой. Браслет же был повязан на другую руку, и воин его не чувствовал.

С трудом дойдя третий круг, Васса рухнула на колени. Из уст присутствующих слетел возглас удивления. На их памяти ещё никогда дорога в новую жизнь не была так трудна для невесты. А та, не обращая внимания на перешёптывания за спиной, начала пытаться снять верёвку с запястья. Но вторая рука не слушалась, пальцы обжигались, пытаясь ослабить узел.

Боремир, заметив, что делает жена, опустился рядом с ней и постарался помочь. Прикоснувшись к браслету, он тоже почувствовал его действие. Даже грубой мужской коже стало больно от прикосновения к верёвке.

Воин взглянув в глаза Вассе. В них была боль и мука, а нижняя губа закушена до крови. Боремир попытался развязать узел, не обращая внимания на боль, но браслет не поддавался. Окружающие начали подходить ближе, желая увидеть, что происходит у молодожёнов, почему они оба сидят на коленях и с чем-то возятся.

В какой-то момент действие браслета так усилилось, что Вассе стало нечем дышать. И, взглянув в глаза мужу, она потеряла сознание, упав к нему на колени. Присутствующие ахнули. А Милиса торжествовала. Лучшей мести противнице и придумать нельзя – стать женой и тут же уйти в царство Мары.

Но радовалась она рано. Васса ещё дышала, пусть и слабо. Боремир тем временем развязал узел и бросил верёвку в сторону. После этого он увидел на запястье жены глубокий красный след и понял, почему ей было так тяжело во время обряда.

Старейшина подошёл к ним ближе и осмотрел руку Вассы. Потом перевёл взгляд на довольную Милису и хотел направиться к ней, но глухое шипение прервало его планы. Оглянувшись, он увидел змею, извивающуюся на месте верёвки. Гадюка шипела и готовилась к прыжку.

Замерев, мужчины оценивали ситуацию. Боремир со старейшиной знали, что рядом со змеёй нельзя делать резких движений. Они переглянулись, пытаясь понять, откуда взялась змея и что делать дальше.

Ещё никогда в жизни воин так не жалел, что лишился огня. Ведь в этом случае он бы легко сжёг гадюку. Он хотел кликнуть своих братьев, чтобы они помогли расправиться с пресмыкающимся, но издавать громкие звуки рядом со змеёй, непонятным образом возникшей из браслета, было равносильно нападению, на которое гадюка обязательно бы ответила. Пока же она просто шипела.

Так получилось, что Боремир со старейшиной закрывали своими спинами непрошеную гостью, и воины огня не могли увидеть её. Хотя уже устремились на помощь из рядов селян, окружавших костёр, не видя, что происходит в центре круга.

– Змея! – крикнул кто-то из селян, подошедших ближе к молодожёнам.

Та в ответ громче зашипела и нацелилась на Вассу.

Но прямо в броске была атакована взявшимся откуда-то вороном. Тот спикировал на змею и мощным клювом поразил её голову, а когтями начал разрывать чешуйчатую плоть. Гадюка изворачивалась, пытаясь отбиться от нападавшего, но его когти и клюв были остры, а яд змеи почти не причинял вреда, как и всем его сородичам.

Они сцепились так, что было непонятно, где тело ворона, а где – змеи. Подоспевший Белозар не стал вмешиваться, боясь повредить огнём птицу. Ворон и сам вскоре справился с гадюкой.

Когда той оставалось жить совсем недолго, её чешуя вдруг стала слезать с извивающегося в агонии тела, а глаза светились совсем не змеиными, а скорее человеческими чувствами, говорившими о горечи нового поражения.

Раздался крик. Это Милиса, в свою очередь, упала на землю, и с ней стало происходить всё то же, что и со змеёй. Волосы выпадали клочьями, кожа лопалась, женщина хрипела и стонала.

Окружающие в ужасе отпрянули от неё. А муж с омерзением смотрел на то, во что превращалась его жена. Старшая дочь, стоящая рядом, прижала к себе двух младших сестёр, чтобы те не видели кончину матери.

В глазах Милисы был ужас. Она пыталась схватиться за мужа, но тот отстранился от неё. Руки и ноги женщины изгибались, будто бескостные, тело на глазах сбрасывало кожу. Истошный крик вырывался из её уст. Окружающие с отвращением отступили. Женщины старались не смотреть и отворачивали от зрелища лица своих детей.

В тот момент, когда ворон бросил свою жертву и взмыл в небо, Белозар наслал огонь на гадюку, чтобы поскорее стереть её с лица земли. Вместе с ней вспыхнула и Милиса, хотя находилась далеко. Последняя мука исказила её уста, и она затихла навсегда. Её дочери заплакали. Брат Бартана замер, поняв, что не просто так его жена сгорела вместе со змеёй.

Селяне изумлённо молчали, а потом начали активно переговариваться и делиться предположениями, что произошло.

– Не просто так Милиса ходила в дом Тимиры, – слышалось в толпе, – та тоже со змеями водилась и от огня Перуна погибла.

– Милису змея укусила, я сама укус видела, вся нога чёрная была, – вторил другой голос, – а через неделю уже ходить могла. Не просто так, значит, сама змеёй стала.

Белозар в растерянности смотрел на сгоревшую от его огня женщину. Причинять ей зло он не хотел.

– Ты не виноват, – сказала подошедшая к нему Млада, – так было суждено. Милиса приняла в себя дух Тимиры, её собственный разум погиб после укуса змеи. И она стала носительницей злых умыслов старейшины. А ты сейчас лишь завершил то, что начал твой отец.

Присутствующие внимательно слушали её слова.

– Разве старейшина не погибла после испытания огнём много солнц назад? – спросил кто-то.

– Её тело обратилось в пепел, но дух не перешёл границы миров, – ответила ведунья, – Тимира зацепилась за тьму, что уже накрывала наши земли, и осталась ждать своего часа. Много раз пыталась она возродиться, но мы с бабушкой сдерживали эти порывы, не давая ей выползти со двора. А на своём участке она была обычной змеёй. И это было ужасным наказанием и унижением для гордой Тимиры – ползать по земле и не иметь возможности обрести человеческое тело. После победы над тёмным колдуном её сила начала угасать, и вскоре она бы навсегда покинула Явь. Но Милиса навестила заброшенный дом и, будучи дальней родственницей Тимиры, через укус получила её дар.

– А что она сделала с Вассой? – полюбопытствовал кто-то.

– Прялка, которой раньше пользовалась старейшина, хранила в себе её колдовство. Воспользоваться им могла лишь кровная родственница после передачи дара. Милиса, будучи уже носительницей духа Тимиры, так и поступила. Перенесла прялку к себе в дом и начала прясть браслет для Вассы, чтобы подарить его на свадебном огне согласно традиции. Этим погубить её и одновременно принести кровавую жертву, без которой невозможно тёмное колдовство. Таким образом старейшина закрепила бы свой дух в новом теле.

– Если ты всё знала, почему не остановила её раньше? – спросил Боремир.

– Ведмурд так велел, – ответила Млада, – твой отец сказал, что в нужное время появится тот, кто спасёт Вассу и победит змею.

– Ворон?

– Не только, – улыбнулась ведунья, – он скоро будет здесь, и ты сам увидишь. Ворон прилетел первым, чтобы сразиться со змеёй, это было его личное испытание.

Все начали оглядываться кругом, но никакого незнакомца среди присутствующих не заметили, даже птица куда-то исчезла.

Васса тем временем начала приходить в себя. Пока велись разговоры, Радамила исцеляла рану на её руке. Поскольку она была магического происхождения, то заговор, произнесённый ворожеей, быстро помог, и кожа начала заживать. Наложив на запястье повязку, принесённую из дома по распоряжению матери, Рада поднесла руки к голове болящей и направила ей свет, окутав им с макушки до пят, чтобы очистить Вассу от скверны, которая могла проникнуть внутрь женщины через рану от колдовского браслета.

Когда Рада заканчивала произносить заговоры, молодая жена уже открыла глаза. Она глубоко вздохнула, не веря, что жива и может дышать. Взглянув на свою руку, обнаружила повязку.

– Тебе лучше? – приветливо спросила Рада, и Васса кивнула.

Боремир поднял её на руки и понёс прочь с поляны. Свадебный обряд был пройден. Они стали мужем и женой, а принимать участие в веселье было необязательно. Да и сил на праздничное гуляние у женщины не было.

Братья подогнали повозку, и воин направил её к их новому дому, сказав родным, что если Вассе станет лучше, то они вернутся.

Останки Милисы и змеи присутствующие сгребли в один из малых костров, что горел на поляне. И возблагодарили Богов, что всё закончилось хорошо. Хоть настроение праздника и было подпорчено, но желание отдохнуть и повеселиться пересилило. Даже появилась дополнительная радость от того, что свет вновь победил тьму. Вскоре селяне уже вовсю пели, танцевали, отмечали создание новых семей.

Среди праздничной суеты никто не заметил, что из леса показался высокий юноша в длинной накидке, а на плече у него сидел ворон, ранее победивший змею. Только Млада, давно ожидающая его и почувствовавшая скорую встречу, глубоко вздохнула, сдерживая подступившую радость, чтобы не показать свои чувства на людях, и устремилась навстречу сыну.

Глава 9

Яд

Выйдя на опушку к родному селению, Милослав остановился. Он очень спешил в последние дни. На прощание Ведмурд сказал, что они с вороном должны успеть к свадебному огню, чтобы спасти невесту Боремира.

– Это будет испытание для твоего помощника, – проговорил волхв, поглядывая на ворона и наставляя внука перед дорогой, – своё ты уже прошёл, а ему – лишь предстоит.

Юноша кивнул. Воспоминания о собственном посвящении были свежи, а тело пока восстанавливалось после волховской болезни.

– Но медлить нельзя, – проговорил Милослав, прощаясь с потворниками, которые ещё только готовились к преодолению каменных лабиринтов.

Ведмурд рассказал внуку, как пройти через болота, окружавшие их селение, чтобы не терять время, идя по проложенным дорогам в обход топи.

Подходя к родным краям, Милослав думал о матери, встреча с которой была так желанна, и о младших братьях, по которым успел соскучиться, и о других своих родных, с кем делил дом и двор.

«Я уезжал от них простым отроком, а вернулся посвящённым волхвом, – думал он, – хотя до мудрости деда мне ещё расти и расти».

Тот велел ему остаться в родном селении на всё ближайшее солнце: совершенствовать свои знания, обращаясь к Богам; набираться опыта, проводя обряды и творя заговоры; вместе с матерью присмотреть себе невесту, чтобы иметь возможность после свадьбы пройти инициацию огнём и стать волхвом, имеющим активный пояс Перуна. И после этого вернуться в город, к своему другу Светозару, чтобы вместе творить историю Северных земель.

В этом плане Милославу нравилось всё, кроме женитьбы. Его влекло уединение, жизнь вдали от людей. Ему было тяжело долго находиться даже рядом с родными. Появление жены шло вразрез в его устремлениями, но при этом ему хотелось и пробудить огненный пояс, как у его отца и братьев. По возвращении в город он планировал жить не в княжеском тереме, а за его пределами, возможно, с Ведмурдом около капища.

С этими думами Милослав подошёл к родному дому. Крон (так юноша назвал своего ворона), улетавший вперёд, уже вернулся к нему. В когтях птицы застряла змеиная чешуя, которую Крон принялся счищать о кору деревьев.

– Ты справился? – скорее похвалил, чем спросил молодой волхв, видевший сквозь пространство поединок, произошедший на свадебной поляне; ворон издал звук, говорящий о его крайнем довольстве по поводу своей победы. – Ты молодец, прошёл своё испытание, теперь мы с тобой равны. Будем вместе расти и разума набираться.

Крон казалось, уже не слушал его, но это впечатление было обманчиво. Он всегда был внимателен к своему хозяину. После того как Милослав спас птенца, вылечил его крыло, кормил хлебными крошками с руки и согревал за пазухой, они стали неразлучными друзьями.

Тогда юноша видел огромных воронов, круживших над их стоянкой у Светлого моря. Это были большие чёрные птицы, с метровым размахом мощных крыльев и могучим клювом. Мóлодец залюбовался красотой и силой пернатых.

– Неужели и мой воронёнок таким будет? – проговорил он, и птенец, сидевший у него за пазухой, произнёс гортанное «крух», что означало «да».

Сейчас Крон стал гораздо больше и перемещался уже самостоятельно, иногда приземляясь на плечо хозяина. Вместе они вызывали своим видом страх и удивление случайно встреченных путников.

Стоя рядом со своим домом, Милослав выбирал, куда ему пойти: подождать в родном дворе или направиться на праздник. Любя одиночество, юноша не горел желанием находиться среди толпы веселящихся селян, вызывая повышенное внимание к себе.

Вдруг на дороге показалась повозка. На козлах сидел Боремир. Он издалека увидел Милослава, но не сразу узнал его, зато заметил ворона, который спас Вассу. Подъехав ближе, воин остановился и спрыгнул на землю.

– Милослав? – спросил он, силясь узнать в этом вытянувшемся, повзрослевшем юноше с совсем не детским взглядом того отрока, которого он учил ухаживать за лошадьми и пахать землю.

– Здравствуй, – ответил молодой волхв, – рад тебя видеть. Как твоя жена?

– Твой друг спас её, – ответил Боремир, кивая ворону, важно восседавшему на плече хозяина. – Я очень благодарен вам.

Из повозки выглянула Васса. Она с удивлением посмотрела на Милослава и его спутника. А тот заметил про себя, что яд змеи, которым был полон браслет, успел проникнуть в кровь женщины. Он не смог умертвить её, но, будучи магическим, оставил свой след.

– Ближайшее солнце береги себя, – сказал молодой жене Милослав, – хоть колдовство Тимиры и было растерзано Кроном и сожжено огнём Белозара, но его отголоски ещё живут в тебе. Не позволяй тьме, крупицы которой сейчас бродят в твоих жилах, проникнуть в сердце и разум и покорить тебя.

При этих словах Васса вздрогнула, а Боремир нахмурился. Он как никто другой знал, что значит, когда в разуме поселяется темнота. И дорого заплатил за очищение от неё.

– Можно извести её? – спросила женщина.

– Только вместе с духом, – покачал головой волхв, – но мы поможем тебе. Я проведу в селении всё будущее солнце, буду делать обряды для сдерживания пробудившейся магии Тимиры. Ты ведь обошла с браслетом все три круга, да?

Васса кивнула.

– Надо было снять его раньше, – сказал Милослав. – Крон не мог атаковать змею, пока она спала в браслете.

– Я не знала, – грустно ответила Васса, – браслет так жёг руку, что хотелось кричать от боли. Но я боялась, что если остановлюсь, расцеплю наши с Боремиром руки, чтобы снять верёвку, то это могут расценить как невозможность преодолеть свадебные круги и запретят наш обряд.

– Надо было сказать мне, что тебе так плохо, – тихо проговорил воин, обнимая жену, – я чувствовал, что с тобой что-то не так, но не мог понять, в чём дело.

– Сейчас уже ничего не изменишь, – примирительно сказал Милослав, – но с этим можно справиться. Мы поможем тебе.

– Хорошо, – кивнул воин, – а пока давай завезём повозку во двор, на ней к ручью не проехать. Я возьму лошадь, и мы поедем в наш дом.

– Ты построил вам отдельный дом? – спросил волхв.

– Да, на берегу реки, – был ответ.

– Это очень хорошо, – кивнул юноша, – вода помогает нам очистить тело и душу. Река к тому же постоянно в движении, её воды унесут с собой всё дурное. Пусть Васса ежедневно делает омовения на берегу и пропускает струйки воды через свои пальцы, прося забрать чужеродное из её тела. Так из неё будет уходить яд Тимиры, который она успела передать. А зимой будете набирать воды из проруби и выливать её обратно на лёд. И тогда к следующему лету темнота уйдёт.

– Опять я доставляю всем неприятности, – расстроилась женщина.

– Не говори так, – сказал Боремир, – ты не виновата в чужой зависти и колдовстве. Тем более рядом моя семья, они помогут. Млада исцелила меня, когда уже не было надежды на

выздоровление, и тьма сковала мою душу. Но она смогла пройти сквозь мглу и передать мне свет. А наша с тобой встреча вернула мне желание жить. Я не отдам тебе Тимире, ты теперь моя жена, и она не властна над тобою.

Васса улыбнулась. Воин помог ей выйти из повозки, а Милослав открыл им ворота. Ворон вспорхнул с его плеча и полетел обследовать новую территорию.

Боремир же поставил повозку на место, взял свободного коня, посадил на него жену, сам запрыгнул в седло и поехал к новому дому. Молодой волхв посмотрел им вслед, видя впереди долгую, совместную дорогу, с одним лишь ответвлением в сторону, быстро заканчивающимся уходом обоих в Навь. Это был путь тьмы, и развилка была ещё впереди.

Глава 10

Встреча с сыном

Милослав прошёлся по родному двору. Казалось, он не был здесь целую вечность. И если памятные места он узнавал без труда, то себя среди них долго не мог определить.

В начале солнца он уехал отсюда юным отроком, хоть и более серьёзным и ответственным, чем другие дети в его возрасте, но всё-таки он был ребёнком, который ничего не ведал о мирах за гранью и не ощущал послания Богов.

Сейчас всё изменилось, и, вспоминая своё посвящение, Милослав до сих пор вздрагивал от того, через что ему пришлось пройти. А также думал о других потворниках, которым испытания ещё только предстояли.

Побродив по пустому дому и заглянув в комнату, где жил вместе с младшими братьями, юноша всё же решил отправиться на праздник.

Крон, осмотрев свои новые владения и спугнув местных ворон, ждал его, сидя на воротах.

– Пойдём на людей посмотрим? – обратился к нему молодой волхв.

– Крух, – с неохотой, но всё же согласился Крон.

Людей он не любил, понимая, что они легко могут сломать ему крылья или прострелить грудь рогаткой. Он много раз видел, как его хозяин и его друзья охотились на уток. Но противиться желанию волхва не стал.

Милослав закрыл ворота и направился вместе с вороном на большую поляну, где вовсю шумел праздник.

Недавнее происшествие только добавило людям задора. Селяне громогласно обсуждали появление змеи и гибель Милисы. А потом принимались гадать, что за ворон спас Вассу.

Брат Бартана поспешил скрыться с людских глаз. По дороге домой он вспоминал, что уже не в первый раз ему приходится прятаться от всеобщего осуждения. Сначала из-за поступков отца и брата, потом из-за служения матери князю-завоевателю, теперь вот из-за жены.

На своих дочерей, которые шли рядом с ним, мужчина смотрел с неприязнью.

– Змеиная кровь, – шипел он на малышек, забившихся за юбку старшей девочки, Богданы.

– Батюшка, зачем ты с нами так? – плакала она. – Мы ведь ничего о змеях не знаем, не ведаем.

– Ваша мать тоже не знала, – ответил брат Бартана, – а потом какой гадюкой обернулась!

Он в сердцах сплюнул и пошёл быстрее, оставив детей догонять его.

– Не плачьте, – принялась утешать сестрёнок Богдана, – придём домой, я вам каши дам. А батюшка успокоится, и всё хорошо будет.

– А мама? – плакали малышки. – Она никогда больше не придёт?

– Я не знаю, – отвечала сестра, кусая губы.

Говорить о погибшей у неё не было сил.

– На поляне тело матушки сначала чешуёй покрылось, а потом она слезать начала, – молвила средняя девочка.

– Не придумывай, – строго проговорила старшая, – с матушкой просто внезапная хворь приключилась. Помнишь, как соседка наша вышла недавно во двор да так и легла там. Старики потом сказали, что она дышать не смогла. И наша мама так.

Младшие не стали с ней спорить, а лишь крепче прижались к Богдане, видя в ней свою единственную защиту.

Девочки пришли в пустой дом, удивились, что отца всё ещё нет, и принялись ждать его.

На поляне тем временем шёл пир. Столы ломились от угощений, богатый урожай позволил устроить пышную трапезу. Селяне танцевали и веселились.

А Млада с Радой обходили поляну по кругу, ища кусочки чешуи, оставшиеся от Милисы. Обнаружив их, поджигали факелами, которые несли в руках. Радамила хотела использовать пламя Перуна, но Млада остановила её, чтобы не привлекать внимания.

– Здесь и обычный огонь справится, – сказала она, – но надо все частички змеиные уничтожить, чтобы ушло с нашей земли зло давнее.

– А как же заброшенный дом Тимиры? – спросила Рада. – Почему вы с бабушкой его не уничтожили?

– Тогда тьма была очень сильна, – ответила её мать, – и даже если бы мы сожгли строение, то дух Тимиры остался бы. И искал бы себе другое пристанище. Поэтому нам было удобнее следить за ней на её территории. А когда свет победил, затихли змеи, уползли в лес. И только тёмные мысли селян вновь вернули их.

– Ты знаешь, кто замышлял дурное?

– Да, и когда приедет твой отец, расскажу ему, – кивнула Млада, – он со многими уже разобрался, когда порядок здесь наводил после победы над Великим Магом. Оставшихся мы решили пощадить, и, видимо, зря, такие люди доброты не понимают. С ними только силой можно.

– А куда уехали те, кто был низложен весной? – уточнила Рада.

– Они теперь живут недалеко от города, работают на самых чёрных работах, таких же, как дела и мысли их были. Следят за ними дружинники князя. Там не только с нашего селения работники, и с других есть. Демид их по всем Северным землям разыскивает и для исправления отправляет.

В этот момент они закончили обход и замкнули очистительный круг.

– Закончили, или нужна помощь? – спросил у подошедших родственниц Белозар, которого те отстранили от работы по очищению поляны.

– Мы всё сделали, – гордо ответила Рада, – жаль, что мне не дали возможности побороться с Милисой лично.

– На твою жизнь хватит змей, – успокоила её Млада. – Нам ещё её дом уничтожать, когда Демид вернётся.

– Славный пожар будет, – улыбнулся Белозар, соскучившийся по применению своего огня.

– А что с дочерью Милисы будет и с их отцом? – спросила Радамила.

– Братом Бартана займётся твой отец, он должен прибыть в ближайшие дни, – ответила Млада, – а девочек надо в семью определить. Только не знаю, кто их возьмёт после произошедшего.

– Я могу присмотреть за ними, пока мы ищем для них новый дом, – сказала Рада.

– Хорошо, – кивнула Млада.

– А их отец не сбежит? – спросил Белозар.

– Даже если сбежит, далеко не уйдёт, – послышался рядом с ними знакомый голос.

Все обернулись. Селяне, стоящие вокруг них, стали изумлённо восклицать и ещё больше оживились. Молодой юноша в длинном одеянии с вороном на плече улыбался своим родным.

– Это он, он! – заговорили селяне, показывая то ли на Милослава, то ли на Крона.

Люди смотрели на них во все глаза, ведь волхвы давно покинули эти земли, и возвращение юного служителя Велеса было хорошим знаком.

Ворон взлетел ввысь с плеча юноши и, оглашая воздух громким криком, сделал круг над поляной, а потом важно уселся на плечо хозяина.

– Как ты любишь внимание, – улыбнулся Милослав; ворон в ответ лишь сильнее впился когтями в его плечо.

Млада всплеснула руками и обняла сына. Она была так горда своим мальчиком, ведь для неё он всё равно оставался ребёнком, которого она носила, кормила, любила. И его статный вид и новое одеяние лишь напоминали ей о том, каким он был в детстве.

Их взгляды встретились, и Милослав с благодарностью посмотрел на мать. Ворон в это время вновь взмыл в небо, чтобы не мешать встрече двух родных сердец.

– Это сын Демида, – пронеслось над поляной, когда селяне поняли, кто к ним пришёл.

По перешёптыванию женщин было понятно, что часть из них вновь завидует Младе, ведь у неё была такая семья, о которой многие и мечтать не могли.

– Я так рада, что ты вернулся, – произнесла Млада, любуясь сыном и поднося ладонь к его щеке.

Милослав чуть склонил голову, впитывая материнскую ласку, по которой соскучился в своих полных лишений странствиях.

– Я тоже, – ответил юноша.

В этот момент к ним подошёл старейшина.

– Приветствую тебя, волхв, – сказал он, – наши земли давно ждали твоего появления.

Милослав кивнул, достал из внутреннего кармана кусочек бересты и протянул его управителю селения. Тот развернул послание и увидел знак Велеса, начертанный углём, а вокруг него – прорезанные ножом языки пламени. Это была печать Ведмурда, отличающая его от других волхвов.

Старейшина внимательно рассмотрел изображение и поднял его над головой, показывая всем.

– Великий волхв прислал нам своего ученика, – проговорил он, – перед уходом Ведмурд сказал мне, что скоро отправит в наши земли его потворника, чтобы следить за светом и тьмой.

Селяне внимательно слушали, пристально глядя на Милослава. Кто-то любовался его статью, кто-то вспоминал его отроком, девицы же смущённо отводили глаза, попадая под взгляд его чёрных очей.

– Как на Демида похож, – пронеслось в толпе.

Потом мужчины стали подходить к нему для приветствия и обмена парой слов. Крон вновь важно сидел на плече хозяина и рассматривал селян. Если подходил хороший человек, он издавал тихий, гортанный звук, а если рядом с Милославом оказывался завистник или трус, то ворон недовольно переминался с лапы на лапу.

Когда условности были закончены, все прошли к трапезному столу. Молодому волхву предложили место рядом со старейшинами и лучшие блюда. Но прежде чем угоститься самому, Милослав накормил своего друга, который склевал с его ладони предложенную еду. А потом взмыл в воздух и улетел по своим делам.

Младе хотелось о многом расспросить сына, но приходилось сдерживать себя, так как то, что мог рассказать волхв, не должны были слышать простые селяне.

Побыв на празднике некоторое время, Млада с детьми и Белозар с семьёй пошли домой.

Близнецы, которых Велислава взяла с собой, раскапризничались от шума и хотели спать. Милослав попросил разрешения понести одного из детей и интуитивно выбрал малыша Валида, который тут же успокоился на руках юного волхва, уткнувшись в его накидку. Подлетевший ворон не стал тревожить сон ребёнка и садиться на плечо своего хозяина, а полетел следом.

Придя домой, юноша отдал спящего младенца матери. Тот открыл глаза, посмотрел на родственника долгим взглядом и вновь уснул. Велислава пошла кормить малышей, а Млада накрыла стол для дорогого гостя.

Угощение с общего стола не шло ни в какое сравнение с едой, приготовленной родной матерью. И Милослав с удовольствием ел выставленные блюда. Со сложными разговорами решили не спешить и дождаться отца, а пока говорили о насущном.

– Надо навестить семью Милисы, посмотреть, как они, – сказала Млада. – Брат Бартана был очень зол, как бы не причинил вреда дочерям.

– Он уже покинул наше селение, – ответил Милослав, – и скоро встретит на пути волка. Потомка той волчицы, что когда-то растерзала его брата.

Всё это было сказано спокойным тоном, как само собой разумеющееся. Взгляды присутствующих обратились к нему.

– Ему не надо помочь? – уточнила Радамила.

– Нет, таково решение Богов, – проговорил волхв и, найдя понимание в глазах родных, продолжал: – Род Бартана закончил существование в Яви. Дальше могут пойти лишь девочки. А путь мужчин пресечён за их злобу и колдовство, а также за деяния их матери.

– А как же Всеволод, сын Вассы? – спросила Млада, зная, сколько для её знакомой значит сын.

– Ему одному дарован шанс доказать, что он пойдёт дорогой добра, – сказал Милослав, – его отец, каким бы он ни был, пытался спасти Беляну. За это доброе дело его сыну позволено жить дольше других мужчин рода. И если он выберет верный путь, то будет поддержан Богами.

Все внимательно слушали молодого волхва. Сложные переплетения судеб разных людей удивляли их. Проявленное одним человеком милосердие могло в будущем спасти жизнь его потомкам.

– А что же будет с дочерями Милисы? – спросила Рада, ей было жаль их. – Я могу приглядывать за ними, но девочкам нужна семья.

– Вряд ли их возьмёт к себе кто-то из селян, – покачала головой Млада, которая сама размышляла над этим вопросом. – Ты права, мы не можем их бросить. Милиса впустила в себя дух Тимиры по глупости, и её дочери не должны за это страдать.

– Старшая девочка уже большая, почти невеста, – сказал Милослав, – она сможет позаботиться о сёстрах, а мы будем помогать им с хозяйством. Мешок зерна всегда найдём. Им лучше остаться жить в родном доме, чем сжиматься под укоризненными взглядами тех, кого мы можем попросить взять сироток к себе по родству.

– Милиса принесла в свой дом прялку Тимиры и на ней сделала браслет для Вассы, – продолжала Млада беспокоящую её мысль, – я не уследила за тем, что веретено ведьмы всё ещё хранит её силу.

– Прялку мы заберём и сожжём, – сказал Белозар, – так же, как и дом Тимиры вместе со всеми змеями.

– А Васса могла принять в себя силу колдуньи? – поинтересовалась Рада, помня рану на руке невесты.

– Да, яд проник в её кровь, но они с Боремиром справятся с этой напастью, – ответил волхв.

Белозар в гневе ударил кулаком по столу:

– Почему эта змея не может оставить нас в покое? Столько солнц минуло с её гибели, а последствия до сих пор есть.

– Зло неистребимо, – ответил Милослав, – и без него мы бы не смогли понять, что значит добро. Они уравновешивают друг друга и дают нам чёткое понимание того, как следует поступать, а как – нет.

В этот момент раздался шум у ворот. Громкое ржание коня заглушило голос всадника.

– Демид, – улыбнулась Млада, с нетерпением ждавшая мужа, но потерявшая его из виду в последние несколько часов.

Её средний сын кинулся открывать ворота отцу.

Посланник князя въехал во двор. Спрыгнув с коня, он первым делом обнял вышедшую к нему жену, прижал к себе младших детей, положил руки на плечи возмужавшему Милославу и улыбнулся ему, одобряя выбранный путь. После подошёл к Белозару и обнял брата.

Луна, появившаяся на небе, осветила счастливые лица родных людей, дождавшихся встречи.

Глава 11

Обратить к добру

Я была рада вновь видеть мою семью в сборе. Среди нас не хватало только Ведмурда, но он незримо был рядом. Обнимая Демида, я была самой счастливой в Яви. Муж обещал провести дома значительное время.

Мы все вернулись за стол и продолжили трапезу. Мужчины спрашивали его о делах в Северных землях, о том, как идёт восстановление после долгих солнц правления князя-завоевателя.

– Всё хорошо, – отвечал Демид, – я вижу, как с нашей помощью оживает Северный край. Тьма хоть и отступила, но оставила свою тень, и её корни мы уничтожаем, тогда на её месте появляется свет.

Я с гордостью смотрела на своего мужа, он был не только главой нашей семьи, но и радел за родную землю. Но, слушая Демида, я невольно думала лишь о том, чтобы поскорее остаться с ним наедине. Мне столько надо было ему сказать, а главное – почувствовать тепло его рук, нежность объятий и то, что он только мой. И я для него – гораздо важнее всех насущных дел.

Трапеза подошла к концу, важные разговоры были отложены на другой день, когда Милослав обещал рассказать нам о своём посвящении. В это время с праздника вернулись младшие братья Демида с жёнами и детьми. Они начали рассказывать, как весело и шумно прошёл остаток свадебного вечера на поляне.

Разошлись уже за полночь. Милослав пошёл в свою комнату вместе с братьями. Белозар с Велиславой вернулись в свой дом. А мы с Демидом поднялись к себе.

Его руки наконец обнимали меня, заставляя забыть о Лунах, проведённых в разлуке. А уста спрашивали о самочувствии и состоянии ребёнка. Я взяла ладонь любого и приложила к своему округлившемуся животу. Малышка чуть заметно толкнулась, и Демид успел поймать это движение.

– Боги благословили нас ещё одной дочкой, – сказал он, – я даже мечтать не мог о таком подарке.

Я кивнула.

– Главное, береги себя, – продолжал муж, – в семьях Перуна давно не было такого, чтобы рождались две девочки.

– Я счастлива подарить нашему роду двух воительниц огня, – сказала я.

Ночь накрыла нас своим покрывалом и подарила уединение.

А утром мы пошли навестить дочек Милисы. Девочки были одни и напуганы долгим отсутствием отца.

Рада присела рядом с двумя младшими, они плакали, прижавшись друг к другу. Будучи малы и беззащитны, они остро нуждались в тепле и заботе взрослых. Моя дочь попыталась их обнять, но малышки лишь отпрянули от неё, не смея доверять незнакомому человеку. Тогда Радамила ласково сказала им:

– Я принесла вам сладостей, хотите?

Девочки кивнули. Вчера они не успели полакомиться на праздничной трапезе, уйдя за отцом в самом начале пира.

– Берите, не бойтесь, – продолжала моя дочь, разворачивая угощение и протягивая его девочкам.

– Где наш батюшка? – замирая, спросила старшая девочка, Богдана, подходя к нам.

– Он теперь вместе с вашей матушкой, – ответила я. – Этого было не избежать.

Моя собеседница закрыла лицо руками, чтобы никто не видел её слёз, и опустилась на скамью рядом с сёстрами.

– Как же мы теперь будем? – спросила она чуть слышно.

– Родственники могли бы взять вас в свои семьи, но мы думаем, что вам лучше остаться в родном доме. Ты сможешь позаботиться о сёстрах? А мы поможем тебе.

– Да, я бы хотела остаться здесь, но я не смогу прокормить себя и младших, – ответила Богдана.

– На эту зиму хватит запасов, которые успел сделать твой отец, – сказал Демид, – а потом мы позаботимся о вас.

Девица с благодарностью кивнула.

– Это та прялка, что ваша матушка принесла из заброшенного дома? – спросил Милослав, осматривающий дом.

– Да, и я боюсь этой вещи, – был ответ, – по ночам мне кажется, что на ней кто-то шевелится и шипит.

– Мы заберём её, чтобы она больше не пугала тебя, – сказала я.

– Батюшку уже нашли? – глухим голосом спросила Богдана.

– Да, – сказал Демид, – мы соберём его в последний путь.

Мы вышли из дома Бартана. Горе, настигшее это место, никак не вязалось с погожим осенним днём, ещё хранившим следы вчерашнего праздника. Радамила осталась с девочками, чтобы утешить и поддержать их.

Из дворов селян доносились причитания о том, что брата Бартана забрал волк. Вспоминали события давних солнц, когда так ушёл в царство Мары сам Бартан.

Милослав нёс в руках прялку. Селяне с подозрением смотрели на него, но ничего не спрашивали.

– Мы уничтожим её вместе с домом? – поинтересовалась я.

– Нет, я заберу её себе и попробую очистить от тёмного колдовства, – ответил сын.

Мы с Демидом удивлённо посмотрели на него.

– Тимира использовала свою силу для преумножения тьмы, а ведь изначально её дар не плохой. Любую силу можно приложить как к добру, так и к злу, – объяснил Милослав. – Змея – очень мудрое животное, и её знания могут быть мне полезны. Вместе с вороном они будут мне хорошими помощниками.

– И как ты хочешь очистить дар, заключённый сейчас в прялке? – спросил Демид.

– Я сначала закопаю её в землю, будто похороню, потом прожгу огнём, затем погружу в проточную воду, чтобы смыть прошлое, и в конце выставлю на вершину холма на радость всем ветрам. Если после этого увижу, что прялка очистилась от тёмного колдовства и пряжа, созданная на ней, будет нести добро, то оставлю себе. А если и после этого она будет полна черноты, то сожжём её огнём Перуна, – ответил сын.

– Ты уверен в своих силах? – с тревогой спросила я. – Даже бабушка опасалась Тимиры, а после ухода той в царство Мары присматривала за домом, чтобы не допустить распространения колдовства.

– Я попробую, – сказал Милослав, – если темнота начнёт брать верх надо мной, то остановлюсь.

Пристально посмотрев на сына, я попросила:

– Обещай, что не будешь рисковать.

– Хорошо, матушка, – ответил сын, – да и Ведмурд не даст. Он всегда рядом и чует, что я творю.

Демид улыбнулся, зная, что сила его отца с каждым солнцем становилась всё больше.

За этими разговорами мы дошли до домика бабушки. Я хотела устроить в нём место для сбора женщин и передачи им знаний о бытовой магии и целительстве, но не нашла отклика в сердцах селянок. Одни боялись меня, другие считали, что не способны на подобное, а то, что ежедневно неосознанно творили белую магию, не видели. То здравие да удачу в нити наплетут

и одежду из них сошьют, которая от напасти защищает и добрым делам свершаться помогает; то добрые слова на горшочек с едой нашепчут, и такая трапеза принесёт двойную пользу – не только насытит, но и здравия добавит; то избу выметут, приговаривая, чтоб всё дурное ушло.

Но не сложились наши встречи, и стоял бабушкин домик заброшенным. Не часто я приходила сюда. Стены запылились, и мне было грустно, что столь дорогое мне место приходит в запустение.

– Можно, я останусь здесь жить? – неожиданно проговорил Милослав.

– Ты хочешь поселиться в лесной избе? – переспросила я.

– Да, мне тесно в комнате с братьями. Да и не люблю я, когда много людей рядом, как в нашем доме. Хоть и родные мне все, но уединением я дорожу, – ответил сын. – А здесь лес вокруг, ручей рядом, вещи Родославы, наполненные магией Севера. Мне будет лучше жить здесь, творить обряды, общаться с Богами, да и прялку я планировал очищать на этой поляне. Она насквозь пропитана светом, он поможет снять тёмное колдовство с дара мудрости.

Мы с Демидом переглянулись и согласились с предложением Милослава. Он улыбнулся и обнял меня.

– Спасибо, матушка, я знаю, как дорого тебе это место, я буду хранить его и наполнять новой жизнью.

Глава 12

Сожжение прошлого

Мы оставили сына обустраиваться на новом месте. Он обещал зайти к нам в дом за продуктами и взять что-то из своих вещей, которые ему были и не особо нужны. Аскетизм, присущий Милославу с детства, проявился и здесь.

Я же с мужем направилась к заброшенному дому Тимиры. Мы решили не тянуть и, пока стоят погожие дни, наполненные магией свадебных костров, когда Боги становятся ближе к людям и благословляют их действия, воспользоваться возросшей силой и окончательно уничтожить логово змей. Тем более что вскоре должна была прибыть Цветана с княжичем, и иметь в селении рассадник колдовства было опасно.

Спеша к нам, Демид нагнал по дороге обоз с княжеской семьёй, они были в нескольких селениях от нас.

– Сегодня разберёмся с домом, – сказал Демид, – а к вечеру, может, и княгиня пожалует.

– Ты не передумал селить её в дом Боремира? – уточнила я. – Всё-таки Васса сейчас имеет в себе змеиную кровь.

– Она неопасна, – ответил муж, подтверждая мои собственные мысли, – должно пройти время, пока яд станет силён и сможет подчинить её волю себе. Но мы этого не допустим. С каждым днём его влияние будет падать, а не возрастать.

Я кивнула, зная, что и муж, и сын будут следить за этим. Сама я пока не касалась магии. Нехорошо женщине в тяжести этим заниматься. Сил много уходит, да и малыш себе что-то забрать может. Поэтому я держалась в стороне от происходящего.

Демид даже не хотел брать меня с собой к дому Тимиры, но мне так захотелось посмотреть на пылающий дом! Видимо, доченька во мне говорила, огонь был её второй стихией, и Ладо согласился.

По дороге мы встретили Радамилу, которая закончила общение с девочками Милисы, пообещав навестить их, и присоединилась к нам. Её огненные браслеты давно жаждали своего применения, а повода всё не было. Изнывала дева от силы, идущей изнутри, а тут такая возможность «пар выпустить». Демид нехотя согласился на это, помня, как его самого распирал изнутри огонь.

Мы дошли до участка. Никогда ещё я не чувствовала от него такой опасности. Будто десятки пар глаз невидимо смотрели на нас – из травы, щелей дома, из разбросанных во дворе щепок.

– Надо бы ров вокруг участка вырыть, – сказала я, – чтобы огонь сдержать.

– Хорошо бы, – согласился Демид, – но пока мы копать будем, столько укусов от змей получим, что не справимся. Поэтому так попробуем, мы с Радой будем контролировать наше пламя.

Дочь кивнула. Она была вся напряжена, следила за перемещением ползучих гадов по еле заметным шорохам и движениям травы.

Змеи вели себя тревожно, слышались шипение и шелест от их перемещений. Но близко к нам не подползали. Лишившись своей предводительницы, они утратили большую часть разума, которым она наделяла их, остался лишь инстинкт самосохранения.

– Отойди, – сказал мне Демид, – здесь сейчас будет жарко.

Я отступила за их с Радой спины, но муж покачал головой и попросил меня встать ещё дальше.

Они с дочерью вытянули руки вперёд, и огонь полился ручьём. Будто струйки воды, бежали от моих родных ручейки пламени. И там, где они протекали, оставалась выжженная

земля. Змеи, прячущиеся в траве, шипели и пытались ускользнуть, но от этого пламени было не спрятаться.

Огненные ручейки достигли порога дома. Старые доски не хотели поддаваться огню. Не столько потому что были сырыми, сколько потому, что всё ещё хранили в себе обережное колдовство, защищавшее дом от пожара и прочих неприятностей.

Демид усмехнулся, азарт объял его. Ручейки пламени начали окружать дом. Они прокладывали себе путь прямо по спинам извивающихся змей, которые попадались по пути. Но жилище ведьмы не хотело сдаваться.

Огоньки пламени гасли, пытаясь взобраться вверх по стенам, те не пускали их, будто были из камня, неподвластного огню.

Когда пламя встало вокруг дома плотным кольцом, я заметила, что Рада произносит какой-то заговор. Всё-таки змеиная магия – это женская сфера, и одним огнём её не победишь. Надо ещё и воздействие словом добавить.

Моя дочь всё шептала и шептала слова заклинания, а потом вскинула руки вверх, и её огненные браслеты, как на посвящении, вспыхнули ярким огнём. И эта вспышка побежала по ручейкам пламени, усилив их.

Дойдя до круга огня, опоясывающего дом, она не стала лезть вверх, как делало пламя, а, мягко расстелившись на земле, постаралась пробраться внутрь дома через щели в фундаменте и торчащие деревянные балки. Со временем это получилось, и огонь проник в подпол. Именно туда, где было гнездо змей.

Огромная призрачная фигура гадюки появилась над домом. Она была воплощением всего рода Тимиры, её матери, бабушки и их предшественниц, которые жили здесь и были сильными колдуньями. Не все из них занимались тёмной магией, но последние поколения – точно.

Змея, извиваясь, начала плевать в нас ядом. Это выражалось в том, что к Демиду с Радой со всех сторон поползли её телесные воплощения, живущие в доме. Они окружали моих родных и пытались кусать их за ноги.

Но Демид с Радой окружили себя высокой стеной огня, доходящего им до плеч, и змеи не могли на них напасть. Я заметила, что дочь начала слабеть: много сил потратила она на заклинание и больше не могла подпитывать общий огонь. Её сил хватало лишь на то, чтобы держать вокруг себя круг огня.

Я вспомнила, что даже взрослым воинам Перуна во время битвы нужна передышка. Постоянно выжигать врага пламенем они не могут. Потому и Рады ненадолго хватило, она всё-таки девица, и огонь её не такой мощный, как у мужчин.

Поэтому Демид один подпитывал пляшущий уже на стенах дома огонь. Ещё немного ему оставалось, чтобы достичь центральной балки дома, самой главной, которая держит крышу и является местом силы всего дома. Многие ритуалы колдуньи творят рядом с ней, делают на ней зарубы, вешают колыбель с младенцем, разделяют по ней общее и частное помещение дома. И если уничтожить её, то рухнет весь дом, а с ним и колдовской род.

Я гадала, чем могу помочь мужу. Раньше я незримо вставала за его спиной и передавала ему силы, подпитывая и укрепляя. Но сейчас не могла этого сделать без вреда для ребёнка. Ведь, подключившись к Демиду, я бы стала участницей магического поединка.

В этот момент я услышала шипение рядом с собой. Маленькая гадюка, выползшая вместе со своими сёстрами со двора, направилась ко мне, за ней ползла и вторая. Они обходили огненные круги моего Ладо и дочери и направлялись ко мне.

Я начала судорожно думать, как мне защититься от змей. Ничего, кроме применения магии, в голову не приходило. Я понимала, что бороться с пресмыкающимися бессмысленно. Ползучая тварь укусит быстрее, чем я попаду по ней палкой или сделаю ещё что-то для своей

защиты. Оставалось лишь закрыться от змей мороком или отвести им глаза заклинанием. Перекинуть свой образ в их сознании на другой предмет, чтобы они устремились к нему.

Я начала шептать соответствующий заговор, но быстро поняла, что на ползущих ко мне гадюк это не действует. Они подпитывались родовой силой колдуний, которых сейчас уничтожал мой муж, и не поддавались лёгкой магии. А для более сложных ритуалов мне требовался реквизит, которого с собой не было.

Тогда я мысленно поставила вокруг себя защиту, провела её от земли до неба. Она на время приостановила движение пресмыкающихся. Они стали искать, как обойти преграду.

Я гадала, сколько смогу держать защиту. Отвлекать Демида я не хотела, опасаясь, что, пока он помогает мне, извивающаяся в огне родовая змея может нанести ему удар.

Гадюки тем временем всё же подползали ближе. Магия сдерживала их колдовской потенциал, но ведь они ещё были и простыми животными, на которых колдовство не действовало. Этим и решила воспользоваться их хозяйка, полностью лишив их своей поддержки и тем самым сделав обычными змеями, повинующимся инстинктам. И защитный круг, оберегающий меня от чужих чар, стал бесполезен.

Пресмыкающиеся приближались ко мне, и в их глазах я видела злорадство женщины, которая сейчас хоть и погибала сама от рук моего мужа, но напоследок забирала у него самое ценное – меня и нашего ребёнка.

Но её планам не суждено было сбыться. Когда между мной и гадюками оставалось расстояние, достаточное для одного броска, обе змейки вдруг вспыхнули ярким пламенем.

– Права была Велислава, когда меня к заброшенному дому отправила, – раздался позади меня голос Белозара.

Он поставил вокруг меня защитный круг огня, затем подошёл к Демиду. У того хватило бы сил дожечь змею и её логово, но с помощью брата огонь запылал сильнее, и фигура родовой гадюки стала таять, теперь уже окончательно, а дом – рушиться.

Пламя Перуна наконец добралось до крыши и поглотило основную балку, держащую верхние перекрытия. Раздался треск и стон. Крыша начала обваливаться. Фигура змеи, реющая над домом, дёрнулась последний раз и рассыпалась тысячей искр. Огонь же, набрав силу, ненасытно бушевал, стены дома рушились, бревна весело потрескивали.

Это было красиво и торжественно. Я любовалась этой картиной, отходя от пережитого страха.

Останки змей уже истлели у моих ног. Рада, оставив мужчин заканчивать уничтожение логова колдуний, подошла ко мне.

– Матушка, с вами всё в порядке? – с тревогой спросила она, заметив возле меня на земле мёртвых обгоревших гадюк.

– Да, Белозар помог мне, – ответила я.

– Почему вы не позвали нас с батюшкой? – негодующе произнесла Рада, скрывая под этими словами страх за меня и сестру.

– Не хотела вас отвлекать, была уверена, что справлюсь сама, – пожала я плечами.

В этот момент к нам подошёл Демид. Белозар попросил у него разрешения самому закончить начатое.

– Очень я соскучился по огню, – сказал воин.

Мой Ладо кивнул и оставил его. Приблизившись ко мне, он снял заградительный огонь, поставленный братом, и вопросительно посмотрел на меня, желая знать, зачем тот понадобился. Мне пришлось повторить ему то, что я говорила дочери.

– Так и знал, что надо было отправить тебя домой! – воскликнул он и крепко обнял меня, осознав, что мог потерять.

Логово змеи тем временем окончательно рухнуло, а Белозар с удовольствием направлял огонь на оставшиеся балки, наслаждаясь забытым чувством управления пламенем.

Тем временем зарево высоченного костра привлекло внимание селян. Сначала они бежали к нам с криками: «Пожар!», но, увидев, что это сознательный поджог, а мои родные контролируют огонь, останавливались на почтительном расстоянии и наблюдали.

Мы с Демидом тоже смотрели на всполохи огня.

– Сила змеиных колдуний оказалась так велика, – сказала я.

– Да, всё началось давным-давно, а закончилось только сейчас. Для её уничтожения потребовались разные силы, – согласился муж.

– А как же яд в крови Вассы? – уточнила Рада.

– После гибели родовой змеи яд станет совсем слабым или полностью потеряет своё влияние, – предположила я.

– Пойдём домой, – сказал Демид, – на сегодня достаточно.

Я кивнула.

Глава 13

Приезд княжеской семьи

Мы оставили Белозара контролировать, чтобы огонь не вышел за пределы заброшенного участка, а сами направились к толпе селян, которые заполнили дорогу. Чтобы пройти к себе, нам надо было миновать их.

– Мы видели огненную фигуру над домом, – сказал старейшина, – неужели Тимира всё ещё сохранила силу?

– Уже нет, – ответил мой муж.

– Много солнц она не проявляла себя, – продолжал собеседник.

– Колдунья затаилась и ждала удобного момента, который пришёл, когда её навестила Милиса, оказавшаяся кровной родственницей. Да и тянуть больше было нельзя: разливающийся по нашим землям свет скоро уничтожил бы наследие Тимиры. Ей надо было попробовать вернуть себе власть сейчас. И среди селян были те, кто разделял эти планы, – продолжал Демид.

– Нам об этом ничего не известно, – ответил старейшина.

– Зато мне известно, – спокойно проговорил посланник князя, – к предателям уже пришли мои люди.

Селяне оглянулись. За их спинами в окружении воинов, прибывших вслед за моим мужем, стояли те, кто плёл заговор против назначенных князем старейшин и хотел на сборе после свадебного огня захватить власть.

– В чём нас обвиняют? – спросила одна из схваченных женщин.

Она была той, что беседовала с Милисой перед походом той в дом Тимиры.

– Об этом вы узнаете на совете, который будет судить вас, – ответил Демид.

Виновные пытались возмущаться и искать сочувствия у своих соседей. Но те отошли подальше, не желая иметь ничего общего с предателями. А тем более спорить с теми, кто только что уничтожил логово змеи.

Мы же пошли к дому, желая отдохнуть и прийти в себя. Я наконец осознала, что сегодня могла пострадать. Привыкнув быть в безопасности в своём доме, я стала слишком беспечна, в чём корила себя сейчас. Демид думал о том же, понимая, что если бы не Белозар, неизвестно, чем бы всё кончилось.

– Будет нам наука – не считать себя всесильными, – сказал он, и я согласно кивнула.

Вдалеке на дороге послышался шум множества копыт. А перезвон бубенцов на гривах лошадей возвестил о прибытии в наше селение княжеской семьи. Глаза Радамилы, идущей рядом с нами, радостно заблестели: вскоре она должна была увидеть Светозара.

Мы с Демидом остановились. Было понятно, что отдохнуть нам не удастся. Радовало лишь то, что со змеиным логовом было покончено, и Тимира не сможет причинить вред прибывающим гостям.

Вскоре показались и первые всадники. Цветана с княжичем путешествовали с размахом, чтобы все видели, что вернулись истинные правители: они возобновляют традиции предков по посещению селений и не боятся выходить к народу.

Дружинники, сопровождающие княжескую семью, увидев Демида, остановились и спешились. Придерживая коней, они поприветствовали своего предводителя. Он спросил, как прошла дорога, всё ли было спокойно, а после сказал им, что часть воинов может остаться в нашем дворе для отдыха, а часть направится в дом около ручья. Дружинники кивнули и построили остальных воинов в шеренгу, чтобы княжеская семья вышла из повозки вдоль караула.

Демид открыл полог, из-за которого показалась Цветана. Она радостно улыбнулась ему, а Светозар еле сдержался, чтобы не обнять своего названого отца, ведь Демид растил его как

сына многие солнца. Но на людях такие проявления чувств были невозможны для правителей, поэтому княжич просто приветливо кивнул моему Ладо, вышел из повозки, подал руку матери и, поддерживая её, направился ко мне и Раде.

Дочь замерла в предвкушении встречи. Те несколько метров, что разделяли их со Светозаром, молодые люди не сводили друг с друга глаз. Сблизившись, они улыбнулись, ведь больше ничего не могли себе позволить.

Цветана же протянула мне руки и крепко сжала их. Мы прошли за ворота, а Демид остался давать распоряжения по размещению повозок и людей.

В нашем дворе было шумно, дети веселились, играли, вспоминали вчерашний праздник. Старшие мальчики успели поприсутствовать на сегодняшнем сожжении дома колдуньи и теперь взахлёб рассказывали младшим, какую змею видели над крышей заброшенного дома, а те им не верили. Ведь даже малые дети знают, что пресмыкающиеся ползают по земле, а не витают в воздухе.

– Как у вас интересно! – сказала мне княгиня, услышав, о чём говорят мальчишки.

– Да, но матушка чуть не погибла, пойдя с нами, – ответила Рада.

Цветана удивлённо подняла на меня глаза. Я быстро пересказала ей случившееся.

– Это тот старый дом у края селения? – уточнила она.

Я кивнула.

– Мне он всегда не нравился, – сказала княгиня, – по коже бегали мурашки, когда проходила мимо него.

В этот момент со стороны двора, где раньше жила княжеская семья, вышла Велислава. Она направлялась в большой дом и несла близнецов на руках. Цветана обернулась к ней. Соперничество между этими двумя женщинами за сердце Белозара давно осталось в прошлом, и княгиня, отличающаяся любовью к детям, протянула руки к сыновьям своего прежнего возлюбленного. Моя невестка дала ей Велимудра, который сладко спал.

– Как на деда похож! – воскликнула Цветана.

– Да, мой двоюродный брат – вылитый дед, – сказал неслышно подошедший к нам Милослав. – Ведмурд показывал мне его в своих видениях, он очень гордится своими внуками.

Последние слова были обращены к Велиславе, делая ей честь как матери. Та зарделась от оказанного внимания.

– Матушка, с вами всё в порядке? – спросил сын, поворачиваясь ко мне. – Я видел, как вас окружили змеи, послал к вам Крона, но он быстро вернулся без добычи. Видимо, всё решилось без него.

– Почему ты не предупредил нас об опасности? – накинулась на него Рада. – Если бы не предчувствие Велиславы, то неизвестно, что бы сейчас было.

– Я отправила к вам Белозара, не зная, что Младе нужна помощь, – тихо сказала женщина, – просто он изнывал, не имея возможности применить огонь.

Милослав же повернулся к Радамиле и проговорил:

– Сестра, ты зря обвиняешь меня. Я не вижу грядущее нашей матушки, да и никого из нашей семьи. Лишь общие очертания. Родную кровь тяжело просмотреть наперёд. Это недоступно даже сильнейшим из нас.

– Не ссорьтесь, – молвила я, – всё закончилось хорошо. А впредь я буду осторожней.

К нам подошёл Демид, закончив размещать прибывших воинов. Одного из наших сыновей он отправил с дружинниками к лесному дому Боремира, чтобы показать им дорогу и предупредить хозяев о приезде княжеской семьи.

– Где ты нас разместишь? – спросила Цветана.

– Я могу уступить вам дом, – проговорила Велислава.

– Нет, я оставила его вам с Белозаром не для того, что прогонять при приезде, – покачала головой Цветана, – погостить я могу и в общем доме.

– Боремир построил новый дом в лесу на берегу реки. Там очень красиво и спокойно, – ответила я, – мы с Демидом хотели предложить вам пожить там. Я знаю, что ты любишь уединение, а в нашем дворе его не будет.

– Дом в уединении в лесу? – переспросила Цветана. – Я с радостью побуду там. Добираться надо пешком?

– Нет, можно поехать на лошади, – сказал Демид.

– Наконец-то я вновь почувствую свежий ветер и быстроту езды! – улыбнулась княгиня. – А то обязанности совсем лишили меня времени на удовольствия.

– Как Славемира и сыновья Лебедяны? – спросила я, поняв, что Цветана говорит в том числе и о детях мужа, забота о которых легла на её плечи.

Ведь прислужницы не могли дать им любви, в которой нуждались дети.

– Дочка растёт, я по ней очень скучаю в разлуке, – чуть взгрустнув, ответила княгиня, – и к мальчикам тоже привязалась. Они такие чуткие, к добру тянутся, за любую ласку благодарны. У Лебедяны ведь не было времени с ними нежиться. Одна она в доме управлялась. Я стараюсь уделять им внимание. Они уже привыкли и ждут меня.

– Как нежданно Боги подарили тебе большую семью, – сказала я, зная, что княгиня всегда хотела много детей.

Но это было ей недоступно. Сколько бы Цветана ни спрашивала меня о возможности родить ещё ребёнка, мне было нечем её порадовать. Нить материнства в её судьбе обрывалась сразу после рождения Светозара. Но дальше шёл красивый рисунок полотна жизни, на котором была забота о многих других детях. Согласно ему она стала княгиней-матушкой для всех Северных земель и для своих пасынков.

– Отдохнёте с дороги у нас, а после направитесь в свой дом, – предложила я.

Так и сделали.

За трапезой беседовали о текущих делах. Цветана дотронулась до моего живота и поздравила с грядущим пополнением.

– Демид говорил, что вы дочку ждёте? – уточнила она.

Я кивнула.

– Будут у нас девочки-погодки, – сказала княгиня, – жаль, не рядом они вырастут. Млада, ты не надумала в городе жить? Там можно такой же дом построить.

– Нет, я не хочу уезжать, – покачала я головой, – здесь мои корни. За долгие солнца этот дом стал продолжением меня. В нём родились наши с Демидом дети, и скоро появится ещё одна малышка. Уезжая отсюда – я теряю силы.

– Я понимаю тебя, – задумчиво ответила Цветала, – как бы хорошо мне ни было у вас, но когда я вернулась в княжеский терем, где росла с десяти лет, то поняла, как мне его не хватало. Это – мой дом, он мне роднее, чем даже терем батюшки.

– Как Яромир и Вышеслав? – спросила я, припомнив влюблённость южного княжича в Раду.

– Мой брат нашёл сыну невесту, она из дальних земель, – ответила княгиня, – их свадьба будет следующим летом, как и Светозара.

– От Горина нет вестей?

– Ведмурд говорил, что он ищет огненных дев в Северных землях, – проговорила княгиня, – но наши люди следят за приезжими купцами и не подпускают их близко к семьям Перуна.

– Разве есть ещё девицы, владеющие огнём? – удивилась я.

Цветана покачала головой. А меня не покидало ощущение, что рядом с ней есть такая, только я не могла понять, кто это.

Глава 14

Амулет

Пока мы общались с княгиней, молодые люди – Светозар, Рада и Милослав – ушли от нас в светёлку моей дочери. Все трое давно не видели друг друга и не могли наговориться. Светозар с моим сыном росли вместе и были близки, как братья. Они с упоением делились новыми открытиями и событиями в жизни, произошедшими за время разлуки. Рада тоже спрашивала, что произошло в городе с момента её отъезда, как Милослав прошёл посвящение.

Но всё же влюблённым не терпелось остаться наедине: хоть это и было запрещено традициями, находясь в родном доме, молодые люди пренебрегали ими.

Милослав, чувствуя нетерпение сестры, тянул со своим уходом, глядя на то, как девица кусает губы. А Светозар не знал, с кем ему больше хочется общаться – с невестой или с другом.

Наконец волхв спустился вниз, и мы позволили молодым провести некоторое время наедине.

Как только захлопнулась дверь, Светозар подошёл к Раде. Столько всего ему хотелось сказать своей суженой, и так пусты были все слова перед горящими в сердце чувствами.

Они смотрели друг на друга и понимали, что за время разлуки оба повзрослели. Радамила, пройдя испытание огнём, расцвела, стала как цветок на утренней заре – рвущийся к солнышку и готовый раскрыться под первыми его лучами, чтобы явить миру свой аромат и красоту.

Княжич за это время обрёл уверенность в себе, расправил плечи и стал не забытым всеми наследником в изгнании, а законным представителем княжеской семьи. Отточил воинское искусство и помогал отцу в управлении Северными землями. Взгляд Светозара стал твёрже, из отрока он превратился в молодого мужчину, который понимает и принимает ответственность за происходящее вокруг.

Луны, проведённые в разлуке, лишь укрепили их чувства, как и бывает, когда сердца горят настоящим огнём.

– Я привёз тебе подарок, – сказал наконец княжич и протянул Радамиле берестяную шкатулку: внутри неё была ажурно вырезанная из камня подвеска. – Этот камень хранится в кладовой нашей семьи, эта порода редко встречается не только в наших краях, но и в соседних землях. Только самый искусный мастер может обработать её. И раз в поколение, когда будущий князь находит себе невесту, от камня откалывают кусочек и изготавливают свадебный подарок для суженой. Амулет потом заговаривают волхвы, и это даёт защиту и связь между молодой женой и всеми членами княжеской семьи. У моей матушки есть такой талисман. Я знаю, что и у твоей матери такой же, он достался ей от свекрови, которая была южной княжной, – с этими словами Светозар надел подвеску на шею возлюбленной. – Я должен был подарить его тебе во время свадебного огня, но моя печаль в разлуке так сильна, что я хочу, чтобы нити, связывающие нас, ещё укрепились. И камень поможет в этом.

Радамила осторожно прикоснулась к амулету, висящему на своей груди, тот ответил теплом.

– Твой подарок много значит для меня, – проговорила она, – я счастлива стать частью твоего рода. Жаль лишь, что наше свадебное торжество назначено на следующее лето, и сейчас мы вынуждены жить далеко друг от друга.

– Каждый день я тороплю солнце, чтобы оно скорее бежало по небу и приближало то время, когда мы будем вместе.

Княжич крепко сжал руки своей суженой, уже не смея обнять её за плечи, как порой делал раньше, когда они были одни. Сейчас такой жест мог бы проломить тонкую грань, что сдерживала их.

В дверь раздался стук. Молодые люди разошлись на шаг, не переставая смотреть друг на друга.

– Светозар, нам пора ехать в дом, где мы остановимся, – раздался голос княгини, – с Радой вы увидитесь завтра на большом сборе.

Княжич кивнул своей любой и вышел к матушке. Она заглянула в комнату и, убедившись, что между молодыми был лишь разговор, кивнула Раде, та зарделась.

– Амулет носи под одеждой, – сказала Цветана, обращаясь к будущей невестке. – О нём никто не должен знать, кроме твоих родителей. Младе я сказала, что Светозар подарит его тебе. Она расскажет, как обращаться с этим камушком.

Княжеская семья вышла во двор. Дружинник подвёл им лучших лошадей из нашей конюшни, и Светозар с матерью ускакали в сопровождении воинов в дом Боремира.

Васса была счастлива принимать у себя таких гостей. Отойдя от пережитого во время своего свадебного огня, она светилась от радости быть женой, вновь ощутить себя женщиной – любимой и оберегаемой. Всеволод был рядом с ней. Юноша с интересом общался с дружинниками, слушал их рассказы о ратных подвигах, о последней битве с завоевателями, о которой он знал лишь понаслышке. А сейчас ему рассказывали о прошедших событиях те, кто непосредственно принимал в ней участие.

В голове молодого человека зрел план пойти в княжеское войско. Он давно думал об этом, но не мог оставить матушку одну в доме своего отца, родственники не дали бы ей жизни. А теперь, когда Васса вновь вышла замуж, его мечте можно было осуществиться. Всеволод знал, что матушка будет переживать за него, но отпустит и будет гордиться тем, что он стоит на страже Северных земель.

Княгиня, спешившись, улыбнулась хозяйке. Вассу она почти не знала, лишь слышала от Млады, что в юности между девицами была не самая приятная история. Но сейчас всё осталось в прошлом, и её названая сестра даже помогала своей недавней сопернице.

Молодая жена радушно приветствовала знатных гостей. Цветане очень понравился дом, особенно его расположение на берегу ручья и отдалённость от других дворов селения.

«Неужели я побуду в уединении? – подумала княгиня, любуясь берегом реки. – Дружинников можно попросить остаться здесь, а самой посидеть у воды».

С момента переезда в городской терем у неё не было ни дня одиночества. Постоянный круговорот лиц утомлял, и душа требовала остановки бесконечного бега.

И всё было хорошо, лишь Боремиру не нравилось, что вокруг его молодой жены столько мужчин. Он помнил собственную службу в войске и то, как вели себя воины, останавливаясь на постой у хозяев. Редкая девица избегала их внимания. И хотя Васса не давала ему ни малейшего повода для ревности, но сердце воина было неспокойно. Тем более его жена так светилась от счастья, что притягивала взгляды.

Вечером, когда все разошлись и супруги остались одни, Боремир предложил:

– Давай поедем в город, пока наш дом занят гостями?

– Разве мы можем так поступить? Это будет выглядеть как неуважение к княжеской семье! – воскликнула Васса. – Они оказали нам такую честь.

– Княгиня всё поймёт, – уверенно ответил воин, – это будет наша с тобой свадебная поездка, как у Млады с Демидом.

– Я сделаю так, как ты скажешь, – проговорила жена, – если ты считаешь, что нам лучше уехать, я согласна.

Боремир крепко обнял жену, он не хотел делить своё счастье ни с кем.

А Васса думала о том, что много солнц не была в городе:

«Моя последняя поездка прошла в период изгнания, и воспоминания о ней до сих пор терзают душу. В ту пору я чуть не потеряла сына, так слаб он был от постоянных переездов и плохой еды. Поехать вместе с любым будет совсем другое».

Ей не хотелось уезжать из дома, когда в нём была княгиня. Это было так почётно и значимо. Но перечить мужу женщина не стала, видя, как это важно для него.

На следующий день Всеволод решил поговорить с матерью о своей службе. Она взмахнула руками и просила сына одуматься и не поступать в дружину князя. Но увидев блеск в глазах своего уже давно выросшего мальчика и решимость сделать по-своему, согласилась.

– Мы с Боремиром вчера как раз решили съездить в город, – сказала Васса, – можем проводить тебя. Мой муж поговорит с главным из прибывших воинов и заручится его поддержкой.

Всеволод кивнул. Получив рекомендации, к кому обратиться при прибытии в казармы, молодая семья собрала необходимые вещи и отправилась в путь. Муж с женой были уверены, что очень скоро вернутся в свой дом.

Глава 15

Общий сбор

Селяне же готовились к большому сбору, на котором обычно решали вопросы о жизни на следующее солнце. А в этот раз все дополнительно были взбудоражены приездом княжеской семьи.

– Столько времени они жили в нашем селении, а мы и не знали, что рядом – истинный наследник нашего князя, – говорили люди.

– А ведь Млада и её родные знали, кого приютили, – отвечали другие, – но молчали и виду не подавали о знатности своих жильцов.

– Помните, как Боги отвергли брак Белозара и Цветаны? – вспоминал ещё кто-то. – А что было бы, создай они семью, а потом наш князь вернулся бы?

– Невозможно это, – махнул рукой его собеседник. – Боги всё видят, всё знают. Суженых – вместе сводят, а чужие друг другу – свадебный огонь не проходят.

С такими речами селяне собрались на общий сбор.

На поляне по традиции зажгли костры, принесли верчи к подножью кумиров и ожидали появления знатных гостей.

Цветана с сыном не заставили себя ждать. Княгиня приехала верхом на белой лошади, а Светозар с Демидом сопровождали её на вороных скакунах. Позади ехали дружинники.

Возглас восхищения вырвался из уст собравшихся, когда конная процессия ворвалась на поляну. Легко спрыгнув с седла, Цветана бросила поводья подскочившему воину и в сопровождении моего мужа и княжича подошла к старейшинам. Те поклонились и проводили прибывших к их местам на возвышении.

Сбор начался. Селяне решали вопросы распределения урожая между теми, кто в силу слабости не мог работать и не сделал себе запасов на зиму. Говорили также о заговорщиках, пеняли на их злой умысел. В итоге определили помощь вдовам с детьми, а назначенных Демидом старейшин одобрили на дальнейшее правление.

Можно было уже переходить к торжественной части – вручению даров, которые Цветана привезла для молодых пар, прошедших на днях свадебный огонь. Но тут среди небольшой группы селян началось волнение. Им дали слово.

– Вчера сгорел дом Тимиры, который, как оказалось, продолжал быть логовом тьмы, – начал тот, что больше остальных хотел высказаться, – а ведьма передала своё колдовство родственнице. И пусть Милиса ушла вслед за сгоревшими змеями, но у неё остались дочери. И с возрастом они могут проявить дар. Ведь прялка стояла у них в доме. Кто знает, не успела ли мать провести обряд посвящения своих дочерей? Ставни в их доме всегда были закрыты, никто не видел, что там происходило.

– Они всего лишь маленькие девочки, – ответил старейшина, – им невозможно передать дар, даже если бы Милиса захотела.

– Младшие на самом деле малы, но старшая скоро уже невеста, она способна к чародейству, – возразил обвинитель.

Все взоры обратились к Богдане, которая, побледнев от услышанного, стояла в стороне.

– Матушка ничего мне не передавала, – ответила она, – и вообще к прялке Тимиры не подпускала, только сама за ней сидела. А мне по ночам казалось, что шевелится на ней нечто и шипит. Я даже близко подходить боялась и сестёр не пускала.

Селяне зашумели, услышав про прялку и её колдовское наследие.

– Изгнать их! – крикнул обвиняющий. – Не нужны нам тёмные колдуньи в селении.

– А может, сразу сжечь? – предложил кто-то.

Княгиня подняла руку. Все смолкли. Она посмотрела на меня с немым вопросом в глазах, я кивнула ей в ответ, подтверждая невиновность девицы. Ведь я просматривала душу Богданы, когда мы заходили накануне, и не нашла в ней зла.

– Подойди ко мне, – спокойно сказала Цветана бледной, как снег, обвиняемой.

Та неровным шагом приблизилась.

Княгиня заглянула в испуганные глаза юной девы, вспомнила, как её саму спасали от разъярённой толпы, и пусть то были иноземные воины, а сейчас преследуют свои люди, но сострадания к ближнему в них было не больше.

– Я не вижу в ней зла, – громко сказала Цветана, – лишь горечь от потери родителей и страх перед будущим.

Селяне неодобрительно посмотрели на обвинителя. Слова княгини были для них важнее всех его домыслов.

– Пойдёшь вместе с сёстрами работать в моём тереме? – спросила правительница. – Вы будете сыты и одеты, мне как раз прислуживают девицы твоего возраста, а сестёр отдадим в мастерицы.

– Я согласна, – горячо ответила Богдана и уткнулась лбом в ладони Цветаны, благодаря её за спасение.

– А ты, – обратилась княгиня к мужчине, что хотел уничтожить дочерей Милисы, – сначала у знающих людей спроси, совета их послушай, а после обвинения выноси. У вас теперь есть волхв, он тьму за версту чует. Неужели ты думаешь, что Милослав оставил бы в селении тех, кто может угрожать благополучию его семьи, которая тоже здесь живёт?

Обвинитель стыдливо опустил глаза. Он хотел выслужиться перед знатными гостями, а наоборот, опозорился.

– А что же с прялкой Тимиры? – спросил кто-то. – Не сможет ли зло вновь проникнуть в наш мир через неё?

– Нет, – ответил стоящий поодаль Милослав и подошёл к центру поляны. – Я сейчас очищаю её, четыре Бога Яви помогают мне в этом. Когда процесс завершится, мы освободим знания, заключённые в даре змеи, от зла и сможем пользоваться прялкой.

Все удивлённо посмотрели на него.

– Змея – непростое животное, мудрость её – в движении и разумении. Извиваясь, змея показывает нам, как обходить препятствия на пути к своей цели. Ведь если наталкиваться на каждый камень на дороге, то шансов на успешное движение очень мало. А если проложить извилистую линию, по которой и ползёт змея, то можно многое преодолеть без труда и стать первым, – объяснил волхв. – Также змея умеет затаиться и ждать, никак не выдавая своего присутствия, а потом напасть в самый неожиданный для противника момент. Это важные навыки: ждать, терпеть и нанести удар в миг, когда враг наиболее уязвим. Эти умения я хочу взять себе, а добраться до них смогу, очистив прялку Тимиры, в которой сейчас заключён дар, от наносного зла. Спалив дом колдуньи, мы уже уничтожили тьму, теперь осталось лишь стереть память в вещах, к которым она прикасалась.

Селяне слушали его с восхищением. Волхвы редко вели подобные разговоры с простыми людьми, и тем оставалось лишь догадываться о природе их магии.

– А дочери Милисы к злу не имеют отношения, – продолжал Милослав, – она не успела ничего им передать.

– Мы решили этот вопрос, – подвёл итог старейшина, – и слава Богам, что среди нас есть княгиня и волхв, которые не дали нам допустить ошибку и наказать невиновных.

Окружающие радостно выдохнули, а обвинитель стыдливо скрылся с их глаз.

Настало время дарить подарки. Княгиня поднялась со своего места, подозвав сопровождающих её прислужниц. Те приблизились к ней, неся в руках привезённые с собой дары.

Молодые пары стали по очереди выходить на центр поляны, а Цветана щедро одаривала их. Многие вещи были в диковинку для простых селян, а полученные из рук княгини, они становились вообще бесценными, как и добрые слова, что она говорила в наставление молодожёнам. И для каждой созданной семьи княгиня подбирала особые, важные именно для них слова. Как она их чувствовала – через силу Берегини или женским чутьём, – селяне не ведали, только каждый запомнил то, что ему было сказано, и запечатлел в своём сердце.

Когда все пары получили свои подарки, к Цветане потянулись ребятишки, они окружили княгиню и старались прислонить голову к её ладоням. Издавна у нас считалось, что руки Берегини волшебные, они от всех хворей избавят, удачу подарят, жизнь к лучшему повернут. А зная историю её чудесного спасения и возвращения в терем, и вовсе верили, что за княгиней стоят Боги и ведут по жизненному пути.

Когда все детишки были наглажены и вознаграждены небольшими подарками, что привезли специально для маленьких, начались привычные гуляния, пляски и песни. Молодёжь с удовольствием участвовала в них, а старшие обступили Светозара с Демидом и спрашивали у них, как дела в Северных землях, что готовит князь на будущее солнце: не собирается ли в поход, не ждёт ли неприятеля у своих ворот.

– Пока в княжеском граде всё спокойно,– отвечал мой муж, – сопредельные князья приезжали на посвящение наших правителей, обещали соблюдать границы и спокойную торговлю. А ещё брат нашей княгини, земли которого ближе к югу, наш хороший союзник. Его войско помогло нам в битве с завоевателями.

– Всех ли прогнали? – спросил кто-то. – И не осталось ли у поверженного князя тех, кто будет мстить за родную кровь?

– Не было у него сыновей, и родители давно ушли в Навь, – отвечал Светозар, – а дальние кровники за него не поднимутся, видели они, как сильны стали Северные земли, и воинство Перуна возродилось. Не пойдут они на нас, можете жить спокойно.

Про возможную месть Горина княжич промолчал. Слишком много пришлось бы рассказывать из того, что пока было скрыто от непосвящённых.

Поодаль от беседующих мужчин стояла группа девиц. Среди них были те, кто не обрёл пару или устал отплясывать в хороводе. Будущие невесты бросали на Светозара взгляды, краснея, если тот перехватывал их. Радамиле это не нравилось. Но она уже не могла, как в детстве, встать рядом с суженым и явить всем близость их дружбы.

Я чувствовала, что с каждым взглядом, брошенным сторонней девицей на княжича, моя дочь становилась мрачнее, а ревность в ней бурлила всё сильнее.

– Он всегда будет в центре внимания, – прошептала я так, чтобы нас никто не слышал, – а тебе надо привыкнуть к этому. Княгиня всегда стоит за спиной князя, как и жена за мужем.

– Когда мы будем связаны свадебным огнём, все будут знать, что он мой, – упёрто сказала Рада, – а сейчас они думают, что могут забрать его себе.

– Женщины будут так думать, даже когда ты станешь его женой, – улыбнулась я, – и только ваши отношения, скрытые от посторонних глаз, могут уберечь мужа от соблазнов. И конечно, твой личный вклад в суженого, твоя любовь и нежность, которые наполняют его и не дают места ни одной другой женщине.

Глаза Рады загорелись.

– Матушка, нау́чите меня, как заполнить всё сердце мужа?

Я заговорщически кивнула.

Гуляния продолжались своим чередом. Вечерние сумерки, наступающие с каждым днём всё раньше, ярче очертили костры и скрыли пары, которые хотели уединиться. И хотя до следующего свадебного огня было ещё далеко, но многие из холостых юношей и девиц, что были на этой поляне, понравились друг другу и будут просватаны своими родителями грядущей весной.

Мы с Цветаной смотрели на оживление и радость молодёжи, немного жалея, что наше ожидание суженого уже позади. И сердце теперь бьётся скорее в тревоге за него, чем в предвкушении. И только грусть расставания всё та же: что молодые скучают, живя раздельно, что мы с княгиней редко видим своих мужей, поскольку заняты они делами нашей стороны.

Так и сейчас Демид весь вечер провёл со старейшинами и мужчинами нашего селения. Рядом со мной появился, лишь когда собрались домой.

Зато мы успели обо всём поговорить с Цветаной, обсудить будущее наших детей.

– Приезжайте к нам в город на Коляду, – предложила княгиня, – будущее солнце будет поворотным для наших детей, так пусть и его рождение они встретят вместе.

– Я не знаю, буду ли способна к поездке, – сказала я, чуть заметно поглаживая живот, – зимой дорога трудна, а ночи холодны.

– Тогда Радамилу с Милославом присылай, Светозар очень скучает по ним. Могу за ними дружинников отправить, чтобы безопасно доехали, – понимающе ответила Цветана.

Я пожала плечами, чувствуя, что зимой нам будет не до поездок. Впереди была первая зимовка без бабушки. А это время всегда поднимает на поверхность грусть и печаль, а также даёт время для обдумывания произошедшего. Я ведь так и не взяла себе силу Берегини рода. Моя матушка, хоть и была старше, не обладала даром, поэтому магическое наследие и ответственность переходили ко мне. Во время тяжести я не могла их принять, а вот осмыслить былое и подготовить себя к важному этапу – могла.

Весной же мне предстояло рождение дочки, а лучшей повитухи в нашем селении, которой всегда была бабушка, больше нет. Сама же я не смогу себе помочь. И надо молить Богов, чтобы всё прошло легко, как с сыновьями.

Думая об этом, я понимала, что поездка в город зимой для меня невозможна. Отпускать же Радамилу без своего покровительства я не хотела, помня о недавнем похищении.

– Наверное, мы увидимся уже ближе к свадебному огню детей, – сказала я, – когда природа проснётся ото сна.

Цветана не стала возражать, хоть и расстроилась моему решению.

– Васса с Боремиром уехали сегодня в город, – сказала она.

– Я чувствую, что они далеко, но не знаю, почему они так решили, – ответила я.

– Их сын захотел в дружину, – пояснила княгиня, – и они поехали сопроводить его.

– Всеволод будет хорошим воином, – проговорила я и добавила: – Получается, весь дом в вашем со Светозаром распоряжении?

– Да, и я хочу задержаться здесь подольше,– улыбнулась Цветана, – побродить по местам, где прожила столько солнц. Побыть в уединении, пообщаться с сыном. Мы ведь мало видимся. Знаешь, чем больше дом, тем меньше в нём близости.

В ответ я улыбнулась, подтверждая, что тоже замечала такое.

Домой мы возвращались под охраной дружинников и Демида. Мой муж был наконец рядом со мной. И мне стоило больших усилий, чтобы сдержаться и не высказать ему своей обиды за одинокий вечер. Но когда мы остались одни, мой Ладо одарил меня таким потоком нежности и заботы, что я отбросила своё недовольство и наслаждалась его присутствием рядом.

– Мне нужно внимание за двоих, – напомнила я Демиду, – и дополнительно за каждый день твоего отсутствия.

– Я не помню таких требований, когда ты ждала Раду, – улыбнулся он.

– Тогда я и сама не знала, что мне надо, – рассмеялась я.

Наш дом погружался в сон. А в лесной избе Милослав читал очищающие заговоры над старой прялкой, снимал с неё тьму, развеивая её силой стихий.

Глава 16

Дочь огня

Посреди всех праздников и визитов у нас совсем не было времени поговорить с сыном о его посвящении в волхвы. И мы с Демидом очень хотели это исправить.

На следующий день, когда Цветана отослала от себя почти всех охранников и сидела одна на берегу ручья, отдавая текучей воде напряжение последних Лун, Рада со Светозаром в сопровождении других детей гуляли по другому берегу ручья, радуясь возможности побыть вместе вдали от посторонних глаз.

Мы же с Демидом отправились в домик бабушки, чтобы поговорить с Милославом. Судя по его резкому взрослению, сыну было, что́ рассказать нам.

Когда мы с Демидом подошли к лесной поляне, новый хозяин домика уже ждал нас. Он сидел у разведённого в центре костра, и я вспомнила, как бабушка так же встречала меня, когда надо было проводить ритуал или напитаться силой. Сердце моё защемило от воспоминаний. А сын в это время приветственно поднялся нам навстречу.

– Я знал, что вы сегодня придёте, – сказал он.

– С момента твоего возвращения нам не терпится услышать рассказ о посвящении, – ответила я, обнимая его.

– Я узнал много нового о семьях Перуна, – улыбнулся Милослав.

Мы с Демидом изумлённо посмотрели на него.

– Разве посвящение в волхвы не заключается в испытании, которые дают Боги? – уточнил мой муж.– Как оно может быть связано с семьями воинов?

– Испытания бывают разными, – ответил сын. – Когда мы с потворниками только приступили к обучению, Ведмурд сказал нам, что каждый получит задание по силам и разумению. И оно необязательно будет связано со светом и тьмой или с преодолением, может быть всё, что угодно.

– И что же выпало тебе? – с возрастающим интересом спросила я.

Сын загадочно посмотрел на меня и начал свой рассказ:

– Когда мы выдвинулись к Светлому морю, я только отошёл от волховской болезни, которая настигает каждого потворника перед посвящением, и идти мне было тяжело, ноша тянула плечи, а ноги еле передвигались. Но чем ближе мы подходили к месту назначения, тем лучше я себя чувствовал. Тело становилось невесомым, будто летело над землёй, так легки были мои шаги. И все мои спутники чувствовали то же. Ведмурд объяснил это тем, что берега Светлого моря особые. По ним часто бродят сами Боги, проходя сквозь границы миров. И весь воздух пропитан их благостью. А ещё существует легенда, что в этом краю был город наших великих предков, от которых перешла к нам сила Перуна.

Мы с Демидом расположились около костра и внимательно слушали Милослава. Его слова рисовали перед нашими глазами яркие картины произошедшего.

– В один из дней я спас птенца, выпавшего из гнезда, – продолжал наш сын, – это был маленький воронёнок. Дед велел беречь его и сказал, что мы с птицей теперь связаны. Придёт время, и он спасёт меня. А пока мы должны учиться и привыкать друг к другу.

«Мы провели много времени у прохладных вод Светлого моря, изучая законы Богов и слушая рассказы Ведмурда о них. И однажды меня неистово потянуло к каменным лабиринтам, расположенным неподалёку от нашего лагеря. Вход в них преграждали большие валуны. И хотя между ними был проход, не каждый мог зайти в него. Среди камней проходила невидимая стена, которая открывалась лишь перед тем, кого лабиринт был готов пустить внутрь согласно воле Богов.

Я часто ходил мимо них, но каждый раз чувствовал, что проход ещё закрыт для меня. А в тот день камни сами позвали меня. И когда я подошёл ближе, стены между ними не ощущалось, я легко зашёл внутрь. Крон полетел со мной, для воронов не существует магических преград.

Сразу за входом тропа, на которой я оказался, резко поворачивала направо. Я знал, что проходы внутри лабиринта представляют собой изогнутые дуги, по которым сначала идёшь к востоку, потом на запад, и постоянно заворачиваешь по кругу. В конце концов полностью теряешь ориентацию в пространстве, и внешний мир перестаёт существовать.

Мне казалось, будто солнце начало обратный отсчёт. И сколько минуло времени, неизвестно. Но в конце концов я начал ощущать, что земля под ногами становится вязкой, как будто не земля это, а вода. И я тону в ней, зарываясь всё глубже и глубже. Сначала я испугался, но ноги уверенно несли меня вперёд, ведь где-то внизу ещё оставался упор на твёрдую землю. Ворон бесстрашно сидел на моём плече, лишь сильнее вцепился когтями в мою одежду.

А потом меня накрыло с головой. Я не мог дышать, со всех сторон была только темнота. Шаг, ещё шаг, кромешная тьма и тишина терзали меня. Вдруг мне в лицо ударил яркий свет, и я очутился на скалистом берегу. Передо мной были бурные воды моря, в котором я узнал то, с берегов которого зашёл в лабиринт. Только всё вокруг было немного иначе.

Рядом с волнами стояло несколько высоких мужей, они были статны, широкоплечи и могучи. А взгляд их таков, что не укрыться от него и не спрятаться. Понял я, что сами Боги спустились в Явь.

– Отец наш Род победил Змея, – молвил один из них, – избавил наши миры от Хаоса, даровал нам и людям порядок. Но не проходит и Луны, чтобы не пытались Змей или его приспешники замутить сознание селян, обратить их души к тьме. И не всегда Боги оказываются рядом, чтобы помочь им. Надо сделать так, чтобы люди сами могли за себя постоять и уничтожить нечисть, от Змея ползущую.

– Что ты предлагаешь? – спросил другой.

– Наделить их огнём, коим выжигаю я приспешников тьмы, – был ответ, – пусть люди несут в себе его искру и им очищают Явь.

– Хорошо, – согласился третий, на чьих руках были золотые рукавицы, – делай, как знаешь.

И в следующее мгновение перед лицом Богов оказались лучшие мужи Северного края. Они в пояс поклонились величественным наставникам и приняли от Перуна дар огня. Каждому из стоящих перед собой громовержец повязал особый пояс, что давал силу огромную и умение насылать пламя на супостата.

– Пусть мой огонь навеки останется в ваших родáх, – сказал даритель, – и передаётся от отца к сыну. Будет в ваших семьях много сыновей, чтобы несли они огонь по холодной Северной земле и согревали её своими сердцами, к свету обращёнными, против тьмы нацеленными.

С благодарностью приняли мужи дар Перуна. Пояса эти постоянно на себе носили, снимая лишь в опочивальне да в бане. И всё было, как сказал Бог: рождались в их семьях одни мальчики, и несли они в себе огонь. А девочки, что редко, но появлялись в родáх воинов, этого дара не имели.

Так прошло несколько веков. Огненные пояса давно износились и распались на мелкие лоскутки, но вместо них внутри каждого рождённого в семье Перуна мальчика зажигался свой внутренний пояс, который пробуждали лишь после прохождения им свадебного обряда. Ведь изначально пояса получили семейные мужи.

Так прошли века, начали забывать люди, зачем им был дан дар. Перестали использовать его против приспешников Нави, на борьбу с ними отправили волхвов, сами же в битвах людских свои умения применяли. Смотрели на это Боги, качали головами от того, что самое главное в даре Перуна было забыто, но поскольку его воины сражались на стороне света и не допускали несправедливости в своих стремлениях, то дар у них не забирали.

Пока не случилось одно происшествие.

Селения тогда жили обособленно друг от друга: княжеская власть ещё не объединила их. Но вскоре поняли, что женить меж собой надо мóлодцов и девиц из разных земель, чтобы иметь здоровых детей. И так обрастали люди родством, объединяли территории и выбирали общих старейшин.

В конце концов образовались крупные общины, обладающие хорошими угодьями: лесами, богатыми дичью, полями, расположенными на солнечных возвышенностях. И стали они гонять со своих земель тех, кто посягал на их богатства. Так и начались распри между людьми. А воины Перуна, рассеянные по всем Северным землям, оказались среди враждующих. Некогда близкие друг другу по духу и целям, стояли воины огня по разные стороны поля, готовясь к битвам.

С грустью взирали на это Боги. Но Род наказал им не вмешиваться.

– Должно у людей проснуться собственное разумение, – сказал он, – чтобы поняли они, что нельзя идти против родной крови.

Звенели битвы, земли переходили из рук в руки, то одна община возьмёт верх, то другая. А урожай за те солнца вызреть не успевал, затоптанный конями и воинами. Звери в лесу убегали подальше от лязга оружия и зарева костров, а оставшиеся не успевали выводить потомство, как уничтожались охотниками для прокорма воинов. Дети малые оставались без крова, спалённого пожарами.

Мужчин, способных держать оружие, становилось всё меньше. И многие селения, когда их мужи уходили на сражения с неприятелем, были беззащитны. Лишь женщины и дети оставались в них. Этим пользовались налётчики из других мест.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.